

Мф

МИР ФАНТАСТИКИ

ИЛЛЯ
ВАРШАВСКИЙ

Тревожных
симптомов нет

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АЗБУКА»

Мир фантастики (Азбука-Аттикус)

Илья Варшавский

**Тревожных симптомов
нет (сборник)**

«Азбука-Аттикус»

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-445

Варшавский И. И.

Тревожных симптомов нет (сборник) / И. И. Варшавский —
«Азбука-Аттикус», — (Мир фантастики (Азбука-Аттикус))

ISBN 978-5-389-14642-6

В истории отечественной фантастики немало звездных имен. Но среди них есть несколько, сияющих особенно ярко. Илья Варшавский и Север Гансовский несомненно из их числа. Они оба пришли в фантастику в начале 1960-х, в пору ее расцвета и особого интереса читателей к этому литературному направлению. Мудрость рассказов Ильи Варшавского, мастерство, отточенность, юмор, присущие его литературному голосу, мгновенно покорили читателей и выделили писателя из круга братьев по цеху. Все сказанное о Варшавском в полной мере присуще и фантастике Севера Гансовского, ну разве он чуть жестче и стиль у него иной. Но писатели и должны быть разными, только за счет творческой индивидуальности, самобытности можно достичь успехов в литературе. Часть книги-перевертыша «Варшавский И., Гансовский С. Тревожных симптомов нет. День гнева».

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-445

ISBN 978-5-389-14642-6

© Варшавский И. И.
© Азбука-Аттикус

Содержание

Молекулярное кафе	6
Назидание для писателей-фантастов всех времен и народов, от начинающих до маститых включительно	7
Всё по правилам	11
Роби	15
Молекулярное кафе	20
Конфликт	22
Решайся, пилот!	24
Опасная зона	32
В атолле	42
Курсант Плошкин	45
Старики	58
Ограбление произойдет в полночь	61
Контактов не будет	67
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Илья Варшавский

Тревожных симптомов нет (сборник)

© И. Варшавский (наследник), 2018

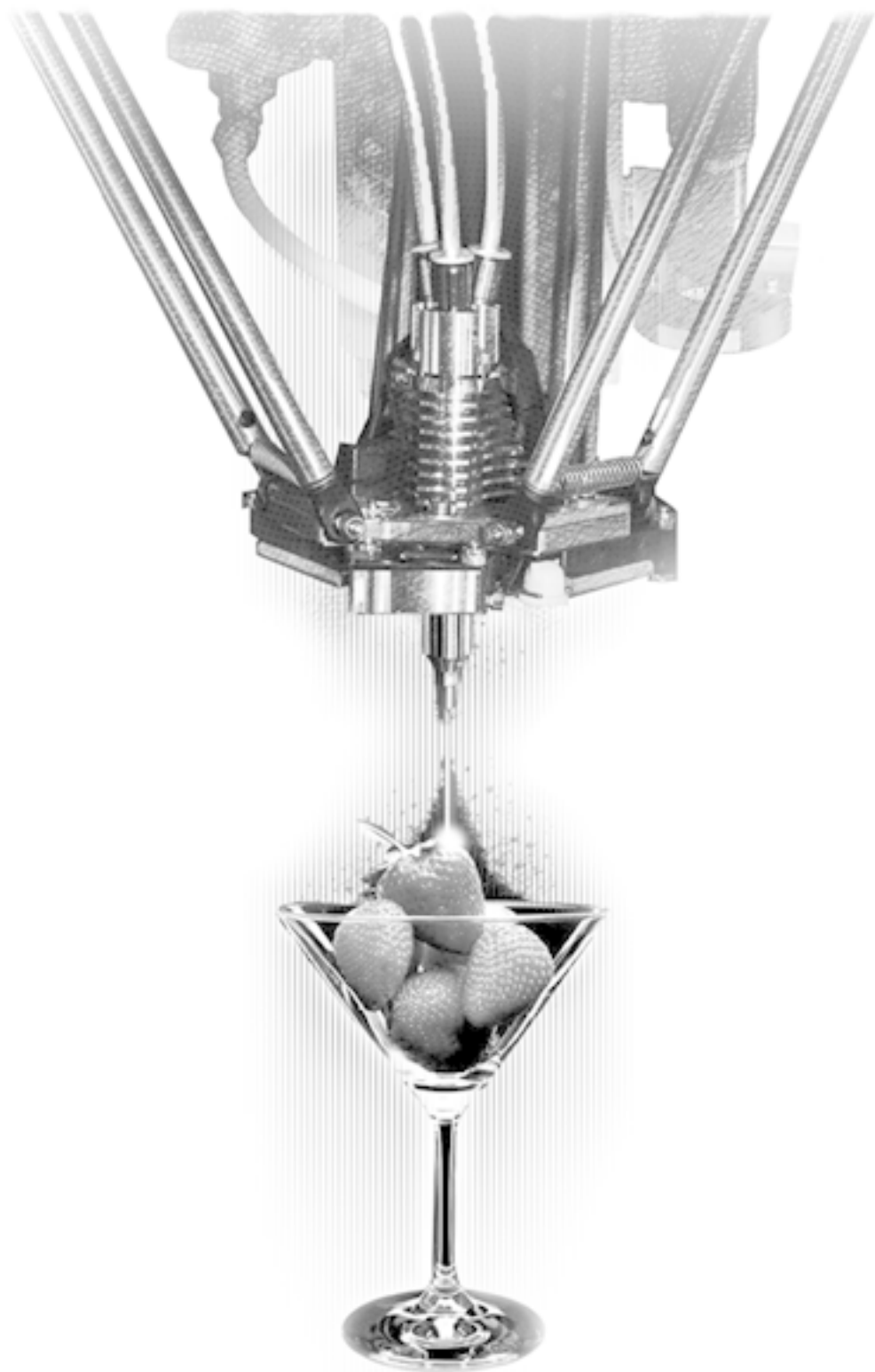
© А. Жикаренцев, состав, 2018

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

* * *

Молекулярное кафе Рассказы и повесть

Назидание для писателей-фантастов всех времен и народов, от начинающих до маститых включительно (Юмореска)

Трудно перечислить все богатство тем современной фантастики. Тут и разумные растения, и разговаривающие животные, и многое другое, что хорошо известно психиатрам, изучающим тяжелые формы заболевания паранойей.

Количество поклонников научно-фантастической литературы неуклонно растет. Наряду с футбольными болельщиками они представляют собой интеллектуальный цвет населения нашей планеты.

Поэтому фантастику не зря называют «литературой века».

К сожалению, отсутствие теории фантастики значительно снижает продуктивность авторов, работающих в этом жанре, и лишает критиков возможности пользоваться объективными методами оценок.

Прежде чем будет создана всеобъемлющая теория, необходимо систематизировать основные тенденции развития фантастики и хотя бы вчерне наметить научные критерии для определения качества готовых произведений.

а) Выбор имен

Имена героев должны соответствовать их характерам. Если действие происходит в далеком будущем или в иной галактике, то положительным героям дают хорошие имена: Ум, Смел, Дар, Добр, Нега и т. п. (для выбора женских имен могут быть также с успехом использованы названия стиральных порошков).

Отрицательным героям присваиваются имена вроде Смрад, Мрак, Худ, Боль, Вонь. Однако не следует даже самым мерзким дамам давать имена, использующиеся в бранном смысле, так как эти слова могут встречаться в лексиконе ученых, особенно молодых, что создает при чтении известную семантическую неопределенность.

Представителям переходных цивилизаций, могущих еще стать на правильный путь, имена даются методом гильотинирования. Например, в словаре отыскиваются два самых обычных слова, скажем «стул» и «гравий». Отсекая первые буквы, можно назвать героя Тул Равий. Просто и элегантно!

б) Место действия

Космос – основное пастбище фантастов. Однако использовать его можно только в гуманных целях. Дабы при этом не был потерян элемент занимательности, на отлично вооруженных землян возлагаются высокие функции носителей человеческой морали, утверждаемой при помощи лучевого оружия, аннигиляционных бомб и разрушения пространства. По отношению к особо зловредным существам, жующим звездную плазму, как студень, допускаются и более крутые меры убеждения.

Фантаст вправе рисовать самые мрачные картины, лишь бы герой сокрушенно покачивал головой и произносил длинные тирады о том, что на его родной Земле подобные безобразия уже невозможны. Это называется внесение позитивного элемента в негативную тематику. Часто герой такого рода плохо вооружен и потихоньку смыывается с мерзкой планеты, не испытывая при этом никаких угрызений совести. Он выполнил свою задачу, показав читателю, как плохо было бы, если... и так далее.

Во избежание упреков в шаткости позиций автору рекомендуется варьировать обе темы в разных произведениях. Так, например, если в предыдущем он ратовал за полное

невмешательство в чужие дела, то в последующем нужно как следует разгромить инопланетчиков всеми подручными средствами, включая шпионаж, диверсию и оружие массового уничтожения.

Ни в одном из этих вариантов не следует приводить сюжет к счастливой развязке, так как это лишает автора возможности написать продолжение. Лучше всего намекнуть, что все придет к счастливому концу, когда рак свистнет. Такая формула устраивает всех. Оптимистов – потому, что основной акцент делается на неизбежность хорошего конца, пессимистов же – оттого, что они знают цену ракам, знакомы с особенностями их передвижения и даже догадываются, где эти раки зимуют.

в) Время действия и связанные с этим проблемы

Фантасты обычно избегают забираться в прошлое, так как это требует знания истории, хотя бы в объеме средней школы. Поэтому помыслы писателя чаще заняты будущим.

Здесь, как правило, земные проблемы ограничены только внешним антуражем, основное же действие происходит где-нибудь в иных галактиках.

Однако и в отношении этого антуража нет единства мнений.

Как и кем будет управляться наша планета? Некоторые считают, что знание высшей математики само по себе служит залогом высокой государственной мудрости. Вряд ли можно целиком принять эту точку зрения. Спросите, что думает жена любого ученого о практической смекалке своего мужа, и вам станет понятным, чего стоит всемирное правительство, состоящее из одних профессоров и академиков. Поэтому фантасты больше склонны сваливать все государственные заботы на электронные машины. Тогда человечество освобождается от бремени принятия каких-либо решений и может посвятить себя целиком космическим полетам, играм и пляскам.

Огромное значение придается облагораживающему влиянию искусства, в частности музыки.

Правда, проведенное нами обследование знакомых пока не выявило существенных различий в моральном облике обладателей абонементов филармонии и ненавистников симфонических концертов.

Перечисленными проблемами в основном исчерпываются футурологические поиски фантастов, если не считать, что на смену автомобилю придет «мобиль», театр заменится «хеатром», на всех видах транспорта внедрится антигравитационная тяга, а домашнюю работу будут поручать киберам.

г) Научные гипотезы

Научно-фантастическая литература отличается от научно-популярной узаконенным правом опровергать основные законы естествознания.

Совершенно обязательным является опровержение Первого и Второго начал термодинамики. (О существовании Третьего начала автор может и не знать.)

Фантасту дается право доказывать или просто декларировать возможность передвигаться со скоростью, превышающей скорость света, добывать энергию из материи в количествах, превышающих соотношение Эйнштейна, свертывать пространство при помощи мысленных усилий и создавать поля, наименования которых невозможно расшифровать даже при помощи словаря иностранных слов.

То обстоятельство, что предпосылкой к этому служит полный крах всей современной науки, никого не смущает, поскольку мы имеем дело с научной фантастикой, детищем научного прогресса.

Делались попытки сгладить явный триумф победы воображения над законами природы, вводя в текст рассказа дифференциальные уравнения в частных производных – прием явно некорректный и по отношению к собратям по перу, и к читателям. С подобными тенденциями показывать свою образованность в фантастике следует бороться самым решительным образом.

д) Дельфины

Противники научной фантастики часто заявляют, что она уже исчерпала тематику и существует за счет многократного пережевывания одного и того же. То, что эта точка зрения лишена всякого основания, видно хотя бы из примера вторжения дельфинов в фантастические произведения.

На протяжении всей своей истории человечество сосуществовало с дельфинами, но только недавно, когда они были уже почти истреблены, ученые обнаружили, что отношение веса мозга к весу тела у этих животных выше, чем у человека. Это породило множество догадок о духовном мире зубатых китов и, в частности, афалин.

Если систематизировать все, что появляется в печати о дельфинах, то можно с достаточной степенью достоверности утверждать, что...

Во-первых, дельфины любят людей. Хотя любовь трудно оценивать по какой-либо абсолютной или относительной шкале, все же есть основания считать, что нежные чувства дельфина к человеку несколько слабее, чем у собаки, и несколько сильнее, чем у свиньи.

Во-вторых, дельфины легко дрессируются. Кажется, ненамного хуже морских львов (так как последние обладают меньшим объемом мозга, чем дельфины, то их способности не представляют интереса ни для науки, ни для фантастики).

В-третьих, они разговаривают друг с другом при помощи свиста. Видимо, язык дельфинов по богатству понятий и красочности образов не уступает языку певчих птиц. Однако этот вопрос подлежит уточнению, так как еще никем не составлены ни дельфиньи, ни птичьи словари.

К сожалению, это почти все, что можно сказать в пользу дельфинов. Конечно, по сравнению с прирученными медведями, разъезжающими в модных брюках на мотоциклах, достижения дельфинов кажутся более чем скромными, но фантастам нужно развивать дельфинью тематику, иначе к чему же такой мощный мозг, каким их наградила природа? (Опять-таки здесь имеются в виду дельфины.)

е) Чудовища

Читатель любит все необычное. Чем больше чудищ встречается в тексте, тем лучше.

В настоящее время уже использованы все мифологические персонажи: кентавры, драконы, пегасы, циклопы и даже ангелы, простые и шестикрылые.

Изготовление чудовищ для фантастических произведений может быть осуществлено методом массового производства. Существуют два способа.

Гибридизация. В этом случае создается гибрид самых отдаленных представителей фауны и флоры. Розовый куст с тигриными головами вместо бутонов, девушка с телом змеи, летающие медузы, помесь паука с коршуном. Чем неожиданнее совмещение свойств в таком гибриде, тем выше эмоциональное воздействие на читателя.

Изменение масштабов. Один из самых простых и действенных способов, не требующий особых пояснений. Клоп величиною с лошадь или динозавр, уместающийся в спичечной коробке, открывают неисчерпаемые возможности для создания динамичного, захватывающего сюжета.

Вот, по существу, все основные правила композиции фантастических произведений. Следует лишь добавить, что огромная работа, уже проделанная по систематизации

фантастических идей, значительно облегчает писателям выбор темы. Вы всегда можете взять наугад несколько идей и совместить их. Количество возможных сочетаний при этом настолько велико, что хватит еще на несколько поколений фантастов.

Всё по правилам (Рассказ, смоделированный по современным образцам ультракосмической фантастики в назидание пишущим и читающим)

Бугров открыл глаза и почувствовал страх. Где-то рядом была опасность, но где именно – сообразить мешали головокружение и тошнота.

Он лежал в скафандре без шлема, уткнувшись носом в гравий, и боялся поднять голову.

Пять лет в Космической академии не проходят зря. «Если вы попали в необычную обстановку, постарайтесь разобраться в ней, прежде чем сделать первое движение». Бугров пытался разобраться. Для того чтобы понять, где ты, не обязательно двигаться. Можно ско-сить глаза направо, налево и вверх, тогда окружающее тебя пространство немного расши-рится.

Итак, впереди гряда валунов. Перед ней – каменистая почва с какими-то растениями, похожими на кактусы. Слева – тот же гравий. Справа – лучемет со спущенным предохрани-телем. Больше ничего разглядеть не удастся. Нестерпимо болит голова. Если бы не эта боль да мерзкий запах, которым пропитана почва, думать было бы легче. Ощущение неотврати-мой опасности не проходило. Бугров старался вспомнить, как он сюда попал, но вспомнить не мог.

Почему спущен предохранитель на лучемете? На этот вопрос тоже не находилось ответа.

«Странно! – подумал он. – Очень странно».

Эта мысль вызвала цепь неожиданных ассоциаций. Странные планеты. Семь стран-ных планет. Поисковый звездолет «Добрыня Никитич». Так-так-так! Стажер Бугров. Семь странных планет и звездолет «Добрыня Никитич». Почему странные планеты? Все с атмо-сферой. На одной из них обнаружены мхи и лишайники. Сенсация космических масштабов. Впервые найдены признаки жизни. Мхи и лишайники. Это было на первой планете. Впро-чем, не только мхи и лишайники. Там побывал второй штурман. Теперь он лежит в изоля-торе, а врач проводит опыты на белых мышах. Два поколения белых мышей и поиски сыво-ротки. Это было на первой планете. А на второй? На вторую никто не спускался. Запрет. Бесчувственное тело в изоляторе и два поколения белых мышей. Корабли, несущие непо-бежденную инфекцию, не возвращаются в Солнечную систему. Неписаное правило, кото-рое установили сами космонавты. Командир «Добрыни Никитича» может не торопиться. Два поколения белых мышей да еще общий карантин. Сколько это времени на постоянной орбите? Невозможно сосчитать.

Ну, допустим. Что же дальше? «Стажер Бугров! Облет второй планеты в капсуле для гравиметрических измерений!» Правильно! В районе экватора ему удалось обнаружить занятную аномалию. При переходе на круговую орбиту что-то случилось. Неверно понял переданную команду. Аварийная посадка в скалах. Капсула – вдребезги. Беспамятство. Спас шлем, треснул пополам, даже не пришлось делать анализа атмосферы. Дыши чем придется. В общем, ничего, дышать можно, хотя тошнит и кружится голова. Может, это от удара? Нет, уж больно тут гнусно пахнет.

Похоже, что все так и было. Что же еще? Рации нет – разбита, починить невоз-можно. Взял ракетницу, продовольственный пакет, лучемет и флягу. Пошел искать место для посадки спасательного отсека где-нибудь на равнине, благо есть сигнальные ракеты. Спус-кался вниз, полз по скалам. Вышел в болото. По пояс вонючей жижи. Красный туман. Нако-нец набрел на сухое место, и тут... Фу, дьявол! Как же я мог забыть?!

Бугров вспомнил странное, похожее на паука существо, передвигающееся прыжками с валуна на валун, и непроизвольно втянул голову в плечи, потому что воспоминание это было странным и нелепым. В одной из лап это существо держало что-то смахивающее на допотопный автомат с большим патронным диском. Они одновременно заметили друг друга и бросились ничком на острые камни. Вот тогда-то, очевидно, Бугров и спустил предохранитель у лучемета. Хорошо еще, что не выстрелил с перепуга. Потом он потерял сознание, а тот, другой, наверное, терпеливо выжидал, спрятавшись за валунами.

Космические контакты. Сколько статей, диссертаций, кафедр, лабораторий? Было все, кроме самих контактов. Чем глубже в космос, тем меньше осталось надежд. Скептики посмеиваются. Даже юмористические журналы потеряли интерес к этой теме. И все же работа продолжалась. Заведующий кафедрой космических контактов профессор Сурвилло всегда начинал первую лекцию так: «Разумным может считаться любое существо, которое предвидит последствия своих поступков». Дальше шли сто двадцать шесть правил поведения при встрече с инопланетными цивилизациями. Их нужно было знать назубок. На экзаменах профессор был беспощаден.

Ладно, правила правилами, а нужно что-то предпринимать. Не лежать же век, уткнувшись носом в гравий. Действовать осторожно. Раньше всего посмотрим, что вокруг.

Бугров повернулся на левый бок. Метрах в десяти от места, где он лежал, равнина переходила в гряду скал, окутанных клубами розового тумана. Обзор, который он провел на правом боку, особого разнообразия в обстановку не внес. Каменистая почва с теми же растениями и пенящееся болото. Дальше те же скалы. Пейзажик не из приятных, но страшного ничего нет. Ну что ж, попробуем наладить контакт с аборигенами.

Он подполз к большому валуну и, присев на корточки, поднял вверх сцепленные руки — символ мира и доброжелательства.

В ответ раздался одиночный выстрел.

Бугров не услышал удара пули. Видимо, оружие было недостаточно дальнобойным. Впрочем, не обязательно, чтобы на этой планете стреляли такими же пулями, как некогда на Земле. Черт его знает, чем они еще могут палить.

Так... «Разумным может считаться любое существо, которое предвидит последствия своих поступков». Только теперь Бугров почувствовал весь безнадежный академизм этого постулата. Существо, стреляющее по живой мишени, явно предвидит результат своих поступков, тогда как он, Бугров, представитель высокоразвитой цивилизации, последствия своих поступков в подобной ситуации предвидеть не может.

Итак, будем пробовать дальше. Постараемся показать, что и мы не лыком шиты, однако агрессивных намерений не питаем.

Бугров достал из кармана ракетницу и выпустил в небо заряд, рассыпавшийся ослепительными звездами, красными и голубыми.

— Ну, что вы скажете по этому поводу?

По этому поводу раздалось три выстрела, один за другим.

Бугров выругался. У него даже мелькнуло желание садануть из лучемета по той куче валунов. Но этого делать было нельзя. Тут он представлял последствия своего поступка. Оставалось только ждать, пока воинственный туземец не привыкнет к его присутствию.

Он снова попытался восстановить всю цепь воспоминаний. Все было правильно, только одно обстоятельство его смущало. В памяти совершенно отчетливо вставляли события последних дней на «Добрыне Никитиче», множество мелочей из жизни на Земле, товарищи по академии, профессора, знакомые, тренировочные полеты, но где-то в этих воспоминаниях был невосполнимый пробел. Он не мог вспомнить старта корабля с Земли и даже готов был поклясться, что в самом названии его было что-то совершенно незнакомое. Не было такого звездолета в реестре «Космического вестника», не было, и все тут, хоть умри!

Какой-то странный вид амнезии. «Когда вам что-нибудь неясно, остерегайтесь необдуманных поступков». К сожалению, неясным было очень многое. Значит, нужно тщательно обдумывать поступки.

Он принялся, как четки, перебирать воспоминания, но в голову лезло то, что к делу не относилось. Синеглазая, с надменным ртом ассистентка кафедры космических контактов. Однако в той ситуации, в которой он находился сейчас, ассистентка была лишней. Вступительные экзамены в академию. Опять не то. Школьные годы, детство, проведенное в интернате, – все это сейчас несущественно. Что же именно нужно вспомнить?

Его снова охватил приступ тошноты и головокружения. Только не потерять сознание, иначе...

Видимо, какое-то время он все же пролежал в беспамятстве, потому что, когда открыл глаза, тень, отбрасываемая большим камнем, несколько переместилась вправо.

Бугрову казалось, что омерзительный запах, от которого переворачивало внутренности, исходит от похожих на кактусы растений. Одно из них торчало у него прямо под носом. Он дотянулся до него рукой и дернул вверх. Неожиданно оно рассыпалось в перчатке на мелкие кусочки. Бугров поднес перчатку к лицу и ахнул. Это был просто плохо затвердевший гипс, халтурная работа дилетанта.

Сразу все стало на свои места. Просто удивительно, как он раньше не мог догадаться. Ведь кто-кто, а он-то должен был знать эти фокусы профессора Сурвилло.

Год назад, роаясь в библиотеке, Бугров напал на одну из ранних работ Сурвилло. Сетую на невозможность исследования поведения курсантов при встрече с инопланетными цивилизациями, профессор предложил оригинальный метод: в состоянии глубокого гипноза курсанту показывали фильм, демонстрирующий посадку на незнакомую планету, а потом, поместив в тренажер, испытывали его способности при встрече с телеуправляемой куклой. Затем все воспоминания о пережитом стирались опять в гипнозе. Поэтому никто из подвергавшихся испытаниям не мог ничего разболтать.

Теперь понятно, откуда эти провалы в памяти. Их не могло не быть на стыке действительности и гипнотического внушения. Тут-то вы и промахнулись, товарищ профессор! Экономили пленку и не засняли старт. Думали, и так сойдет, а на проверку вышло не то. И фантазии у вас хватило только на какого-то паука с вульгарным автоматом. Ясно, почему он стреляет холостыми патронами.

Теперь уже смело Бугров оглянулся по сторонам. Где-то за этими камуфляжными горами должны быть спрятаны объективы телекамер, передающих в экзаменационную каждое его движение. Ловко! Потом при просмотре видеозаписей профессор скажет: «Что же вы, батенька, посланец гуманоидной планеты, элементарного контакта не сумели осуществить? Плохо, очень плохо!»

Ну нет, дудки! Сейчас, уважаемые экзаменаторы, начнется цирк по всей форме! Курсант Бугров идет на пятерку!

Он с трудом подавил смешок. Перед объективами телекамер таких вещей делать нельзя. Пусть думают, что он всю игру принимает всерьез.

Итак, сто двадцать шесть правил. Однако каждое из них требует какой-то оснастки. У Бугрова не было ни набора геометрических фигур, ни магнитофона с записью симфоний Чайковского, ни лингвистического анализатора. Ну что ж, попробуем проявить смекалку. Он сгреб к себе кучу камней и отобрал десять одинаковых. Затем бросил кукле сначала три, потом еще два, а спустя некоторое время – пять. Пришельцу ясны правила сложения, а это уже кое-что да значит!

В ответ раздался выстрел.

Плохо! Очень плохо. Наверняка полбалла скинули. Нужно было начинать не с этого. Попробуем объясниться на пальцах.

Бугров показал кукле три пальца, два пальца, а потом и всю пятерню.

На этот раз выстрела не было.

Отлично! Теперь можно внести в игру некоторый элемент юмора. Не важно, что нет магнитофона. Споем!

– Не счесть алмазов в каменных пещерах! – запел он слегка дребезжащим тенором.

Экзаменаторы дали ему закончить всю арию, не прерывая ее пальбой.

Тоже неплохо! Что же дальше?

Что делать дальше – Бугров сообразить не мог. Он представил себе устремленные на экран выжидающие глаза Сурвилло, презрительную усмешку ассистентки и разозлился.

«Ах так, ну ладно!»

Он встал во весь рост, театральным жестом отбросил лучемер и с поднятыми руками пошел вперед.

Он и впрямь казался себе героем.

Потев в неудобном скафандре, высоко подняв голову, он шел навстречу опасности, и кровь, пульсирующая в ушах, выстукивала марш гладиаторов...

От внезапно вспыхнувшей боли в левом плече его рука шлепнулась вниз, как тряпка.

– Что они там, с ума посходили?

Вторая пуля попала в ногу, и, упав на колени, он стукнулся лбом о камень.

– Неужели действительно?..

Ему бы так и не удалось решить этот вопрос, если б стремительно спикировавший спасательный отсек с «Ильи Муромца» не принял правым бортом автоматную очередь, которую выпустило в Бугрова четырехрукое существо, передвигающееся на мохнатых лапах тарантула, существо, прекрасно отдающее себе отчет в последствиях своих поступков.

Роби

Несколько месяцев назад я праздновал свое пятидесятилетие.

После многих тостов, в которых превозносились мои достоинства и умалчивалось о свойственных мне недостатках, с бокалом в руке поднялся начальник лаборатории радиоэлектроники Стрекозов.

– А теперь, – сказал он, – юбиляра будет приветствовать самый молодой представитель нашей лаборатории.

Взоры присутствующих почему-то обратились к двери.

В наступившей тишине было слышно, как кто-то снаружи царапает дверь. Потом она открылась, и в комнату въехал робот.

Все зааплодировали.

– Этот робот, – продолжал Стрекозов, – принадлежит к разряду самообучающихся автоматов. Он работает не по заданной программе, а разрабатывает ее сам в соответствии с изменяющимися внешними условиями. В его памяти хранится больше тысячи слов, причем этот лексикон непрерывно пополняется. Он свободно читает печатный текст, может самостоятельно составлять фразы и понимает человеческую речь. Питается он от аккумуляторов, сам подзаряжая их от сети по мере надобности. Мы целый год работали над ним по вечерам, для того чтобы подарить его вам в день вашего юбилея. Его можно обучить выполнять любую работу. Поздоровайтесь, Роби, со своим новым хозяином, – сказал он, обращаясь к роботу.

Роби подъехал ко мне и после небольшой паузы сказал:

– Мне доставит удовольствие, если вы будете счастливы принять меня в члены вашей семьи.

Это было очень мило сказано, хотя мне показалось, что фраза составлена не очень правильно.

Все окружили Роби. Каждому хотелось получше его разглядеть.

– Невозможно допустить, – сказала теща, – чтобы он ходил по квартире голый. Я обязательно сошью ему халат.

Когда я проснулся на следующий день, Роби стоял у моей кровати, по-видимому ожидая распоряжений. Это было захватывающе интересно.

– Будьте добры, Роби, – сказал я, – почистить мне ботинки. Они в коридоре у двери.

– Как это делается? – спросил он.

– Очень просто. В шкафу вы найдете коричневую мазь и щетки. Намажьте ботинки мазью и натрите щеткой до появления блеска.

Роби послушно отправился в коридор.

Было очень любопытно, как он справится с первым поручением.

Когда я подошел к нему, он кончал намазывать на ботинки абрикосовое варенье, которое жена берегла для особого случая.

– Ох, Роби, – сказал я, – я забыл вас предупредить, что мазь для ботинок находится в нижней части шкафа. Вы взяли не ту банку.

– Положение тела в пространстве, – сказал он, невозмутимо наблюдая, как я пытался обтереть ботинки, – может быть задано тремя координатами в декартовой системе координат. Погрешность в задании координат не должна превышать размеров тела.

– Правильно, Роби. Я допустил ошибку.

– В качестве начала координат может быть выбрана любая точка пространства, в частности угол этой комнаты.

– Все понятно, Роби. Я учту это в будущем.

– Координаты тела могут быть также заданы в угловых мерах, при помощи азимута и высоты, – продолжал он бубнить.

– Ладно. Не будем об этом говорить.

– Допускаемая погрешность в рассматриваемом случае, учитывая соотношение размеров тела и длину радиус-вектора, не должна превышать двух тысячных радиана по азимуту и одной тысячной радиана по высоте.

– Довольно! Прекратите всякие разговоры на эту тему, – вспылил я.

Он действительно замолчал, но целый день двигался за мною по пятам и пытался объяснить жестами особенности перехода из прямоугольной в косоугольную систему координат.

Сказать по правде, я очень устал за этот день.

Уже на третий день я убедился в том, что Роби создан больше для интеллектуальной деятельности, чем для физической работы. Прозаическими делами он занимался очень неохотно.

В одном нужно отдать ему справедливость: считал он виртуозно.

Жена говорит, что если бы не его страсть подсчитывать все с точностью до тысячной доли копейки, помощь, которую он оказывает в подсчете расходов на хозяйство, была бы неоценимой.

Жена и теща уверены в том, что Роби обладает выдающимися математическими способностями. Мне же его знания кажутся очень поверхностными.

Однажды за чаем жена сказала:

– Роби, возьмите на кухне торт, разрежьте его на три части и подайте на стол.

– Это невозможно сделать, – сказал он после краткого раздумья.

– Почему?

– Единицу нельзя разделить на три. Частное от деления представляет собой периодическую дробь, которую невозможно вычислить с абсолютной точностью.

Жена беспомощно взглянула на меня.

– Кажется, Роби прав, – сказала теща, – я уже раньше слышала о чем-то подобном.

– Роби, – сказал я, – речь идет не об арифметическом делении единицы на три, а о делении геометрической фигуры на три равновеликие площади. Торт круглый, и если вы разделите окружность на три части и из точек деления проведете радиусы, то тем самым разделите торт на три равные части.

– Чепуха! – ответил он с явным раздражением. – Для того чтобы разделить окружность на три части, я должен знать ее длину, которая является произведением диаметра на иррациональное число «пи». Задача неразрешима, ибо в конечном счете представляет собою один из вариантов задачи о квадратуре круга.

– Совершенно верно! – поддержала его теща. – Мы это учили еще в гимназии. Наш учитель математики – мы все были в него влюблены – однажды, войдя в класс...

– Простите, я вас перебую, – снова вмешался я, – существует несколько способов деления окружности на три части, и если вы, Роби, пройдете со мной на кухню, то я готов показать вам, как это делается.

– Я не могу допустить, чтобы меня поучало существо, мыслительные процессы которого протекают с весьма ограниченной скоростью, – вызываяще ответил он.

Этого не выдержала даже моя жена. Она не любит, когда посторонние сомневаются в моих умственных способностях.

– Как не стыдно, Роби?!

– Не слышу, не слышу, не слышу, – затарахтел он, демонстративно выключая на себе тумблер блока акустических восприятий.

Первый наш конфликт начался с пустяка. Как-то за обедом я рассказал анекдот:

– Встречаются на пароходе два коммивояжера. «Куда вы едете?» – спрашивает первый. «В Одессу». – «Вы говорите, что едете в Одессу, для того, чтобы я думал, что вы едете не в Одессу, но вы же действительно едете в Одессу, зачем вы врете?»

Анекдот понравился.

– Повторите начальные условия, – раздался голос Роби.

Дважды рассказывать анекдот одним и тем же слушателям не очень приятно, но скрепя сердце я это сделал.

Роби молчал. Я знал, что он способен проделывать около тысячи логических операций в минуту, и понимал, какая титаническая работа выполняется им во время этой затянувшейся паузы.

– Задача абсурдная, – прервал он наконец молчание, – если он действительно едет в Одессу и говорит, что едет в Одессу, то он не лжет.

– Правильно, Роби. Но именно благодаря этой абсурдности анекдот кажется смешным.

– Любой абсурд смешон?

– Нет, не любой. Но именно здесь создалась такая ситуация, при которой абсурдность предположения кажется смешной.

– Существует ли алгоритм для нахождения таких ситуаций?

– Право, не знаю, Роби. Существует масса смешных анекдотов, но никто никогда не подходил к ним с такой меркой.

– Понимаю.

Ночью я проснулся оттого, что кто-то взял меня за плечи и посадил в кровати. Передо мной стоял Роби.

– Что случилось? – спросил я, протирая глаза.

– «А» говорит, что x равен игреку, «Б» утверждает, что x не равен игреку, так как игрек равен x . К этому сводится ваш анекдот?

– Не знаю, Роби. Ради бога, не мешайте мне вашими алгоритмами спать.

– Бога нет, – сказал Роби и отправился к себе в угол.

На следующий день, когда мы сели за стол, Роби неожиданно заявил:

– Я должен рассказать анекдот.

– Валяйте, Роби, – согласился я.

– Покупатель приходит к продавцу и спрашивает его, какова цена единицы продаваемого им товара. Продавец отвечает, что единица продаваемого товара стоит один рубль. Тогда покупатель говорит: «Вы называете цену в один рубль для того, чтобы я подумал, что цена отлична от рубля. Но цена действительно равна рублю. Для чего вы врете?»

– Очень милый анекдот, – сказала теща, – нужно постараться его запомнить.

– Почему вы не смеетесь? – спросил Роби.

– Видите ли, Роби, – сказал я, – ваш анекдот не очень смешной. Ситуация не та, при которой это может показаться смешным.

– Нет, анекдот смешной, – упрямо сказал Роби, – и вы должны смеяться.

– Но как же смеяться, если это не смешно.

– Нет, смешно! Я настаиваю, чтобы вы смеялись! Вы обязаны смеяться! Я требую, чтобы вы смеялись, потому что это смешно! Требую, предлагаю, приказываю немедленно, безотлагательно, мгновенно смеяться! Ха-ха-ха-ха!

Роби был явно вне себя.

Жена положила ложку и сказала, обращаясь ко мне:

– Никогда ты не дашь спокойно пообедать. Нашел с кем связываться. Довел бедного робота своими дурацкими шуточками до истерики.

Вытирая слезы, она вышла из комнаты. За ней, храня молчание, с высоко поднятой головой удалилась теща.

Мы остались с Роби наедине.

Вот когда он развернулся по-настоящему!

Слово «дурацкими» извлекло из недр расширенного лексикона лавину синонимов.

– Дурак! – орал он во всю мощь своих динамиков. – Болван! Тупица! Кретин! Сумасшедший! Психопат! Шизофреник! Смейся, дегенерат, потому что это смешно! Икс не равен игреку, потому что игрек равен иксу, ха-ха-ха-ха!

Я не хочу до конца описывать эту безобразную сцену. Боюсь, что я вел себя не так, как подобает настоящему мужчине. Осыпавшись градом ругательств, сжав в бессильной ярости кулаки, я трусливо хихикал, пытаясь успокоить разошедшегося робота.

– Смейся громче, безмозглая скотина! – не унимался он. – Ха-ха-ха-ха!

На следующий день врач уложил меня в постель из-за сильного приступа гипертонии...

Роби очень гордился своей способностью распознавать зрительные образы. Он обладал изумительной зрительной памятью, позволявшей ему узнать из сотни сложных узоров тот, который он однажды видел мельком.

Я старался как мог развивать в нем эти способности.

Летом жена уехала в отпуск, теща гостила у своего сына, и мы с Роби остались одни в квартире.

– За тебя я спокойна, – сказала на прощание жена, – Роби будет за тобой ухаживать. Смотри не обижай его.

Стояла жаркая погода, и я, как всегда в это время, сбрил волосы на голове.

Придя из парикмахерской домой, я позвал Роби. Он немедленно явился на мой зов.

– Будьте добры, Роби, дайте мне обед.

– Вся еда в этой квартире, равно как и все вещи, в ней находящиеся, кроме предметов коммунального оборудования, принадлежат ее владельцу. Ваше требование я выполнить не могу, так как оно является попыткой присвоения чужой собственности.

– Но я же и есть владелец этой квартиры.

Роби подошел ко мне вплотную и внимательно оглядел с ног до головы:

– Ваш образ не соответствует образу владельца этой квартиры, хранящемуся в ячейках моей памяти.

– Я просто остриг волосы, Роби, но остался при этом тем, кем был раньше. Неужели вы не помните мой голос?

– Голос можно записать на магнитной ленте, – сухо заметил Роби.

– Но есть же сотни других признаков, свидетельствующих, что я – это я. Я всегда считал вас способным осознавать такие элементарные вещи.

– Внешние образы представляют собой объективную реальность, не зависящую от нашего сознания.

Его напыщенная самоуверенность начинала действовать мне на нервы.

– Я с вами давно собираюсь серьезно поговорить, Роби. Мне кажется, что было бы гораздо полезнее для вас не забивать себе память чрезмерно сложными понятиями и побольше думать о выполнении ваших основных обязанностей.

– Я предлагаю вам покинуть это помещение, – сказал он скороговоркой. – Покинуть, удалиться, исчезнуть, уйти. Я буду применять по отношению к вам физическую силу, насилие, принуждение, удары, побои, избиение, ушибы, травмы, увечье.

К сожалению, я знал, что когда Роби начинал изъясняться подобным образом, то спорить с ним бесполезно.

Кроме того, меня совершенно не прельщала перспектива получить от него оплеуху. Рука у него тяжелая.

Три недели я прожил у своего приятеля и вернулся домой только после приезда жены. К тому времени у меня уже немного отросли волосы.

...Сейчас Роби полностью освоился в нашей квартире. Все вечера он торчит перед телевизором. Остальное время он самовлюбленно копается в своей схеме, громко насвистывая при этом какой-то мотивчик. К сожалению, конструктор не снабдил его музыкальным слухом.

Боюсь, что стремление к самоусовершенствованию принимает у Роби уродливые формы. Работы по хозяйству он выполняет очень неохотно и крайне небрежно. Ко всему, что не имеет отношения к его особе, он относится с явным пренебрежением и разговаривает со всеми покровительственным тоном.

Жена пыталась приспособить его для переводов с иностранных языков. Он с удивительной легкостью зазубрил франко-русский словарь и теперь с упоением поглощает уйму бульварной литературы. Когда его просят перевести прочитанное, он небрежно отвечает:

– Ничего интересного. Прочтете сами.

Я выучил его играть в шахматы. Вначале все шло гладко, но потом, по-видимому, логический анализ показал ему, что нечестная игра является наиболее верным способом выигрывать.

Он пользуется каждым удобным случаем, чтобы незаметно переставить мои фигуры на доске.

Однажды в середине партии я обнаружил, что мой король исчез.

– Куда вы дели моего короля, Роби?

– На третьем ходу вы получили мат, и я его снял, – нахально заявил он.

– Но это невозможно. Поставьте моего короля на место.

– Вам еще нужно поучиться играть, – сказал он, смахивая фигуры с доски.

В последнее время у него появился интерес к стихам. К сожалению, интерес этот односторонний. Он готов часами изучать классиков, чтобы отыскать плохую рифму или неправильный оборот речи. Если это ему удастся, то вся квартира содрогается от оглушительного хохота.

Характер его портится с каждым днем.

Только элементарная порядочность удерживает меня от того, чтобы подарить его кому-нибудь.

Кроме того, мне не хочется огорчать тещу. Они с Роби чувствуют глубокую симпатию друг к другу.

Молекулярное кафе

Указатель Электронного Калькулятора Мишкиного Поведения целую неделю стоял на отметке «отлично», и мы решили отпраздновать это событие.

Люля предложила пойти на концерт Внушаемых Ощущений, я сказал, что можно посетить Музей Запахов Алкогольных Напитков, а Мишка потребовал, чтобы мы отправились в Молекулярное кафе.

Конечно, мы поехали в кафе, потому что ведь это Мишка вел себя хорошо и было бы несправедливо лишать его права выбора.

Мы быстро домчались туда в мыслелете. По дороге нас только один раз потрянуло, когда я подумал, что хорошо бы заскочить на минутку в музей. К счастью, этого никто не заметил.

В кафе мы направились к красному столику, но Люля сказала, что ей больше нравится еда, синтезированная из светлой нефти, чем из темной.

Я напомнил ей, что в газетах писали, будто они совершенно равноценны.

Люля ответила, что, может быть, это и прихоть, но когда делаешь что-нибудь для своего удовольствия, то почему же не считаться и с прихотями?

Мы не стали с ней спорить, потому что мы очень любим нашу Люлю и нам хотелось, чтобы она получила как можно больше удовольствия от посещения кафе.

Когда мы уселись за белый столик, на экране телевизора появилось изображение робота в белой шапочке и белом халате. Улыбающийся робот объяснил нам, что в Кафе Молекулярного Синтеза имеется триста шестьдесят блюд. Для того чтобы получить выбранное блюдо, необходимо набрать его номер на диске автомата, и оно будет синтезировано прямо у нас в тарелках. Еще он сказал, что если мы хотим чего-нибудь, чего нет в меню, то нужно надеть на голову антенну и представить себе это блюдо. Тогда автомат выполнит заказ.

Я посмотрел на Мишку и понял, что мы хотим только того, чего нет в меню.

Люля заказала себе тарелку оладий, а я псевдобифштекс. Он был румяный и очень аппетитный на вид, и Люля сказала, что ей не съесть столько оладий и пусть я возьму у нее половину. Так мы и сделали, а я ей отдал половину бифштекса.

Пока мы этим занимались, Мишка уныло ковырял вилкой в изобретенном им блюде, состоящем из соленых огурцов, селедки, взбитых сливок и малинового джема, пытаясь понять, почему иногда сочетание самого лучшего бывает такой гадостью.

Я сжалился над ним и поставил его тарелку в деструктор, а Люля сказала ему, что, когда придумываешь какую-нибудь еду, нужно больше сосредотачиваться.

Тогда Мишка начал синтезировать пирожное, похожее на космический корабль, а я тем временем пытался представить себе, какой вкус имел бы приготавливающийся для меня напиток, если бы в него добавить капельку коньяку. Мне это почти удалось, но вдруг зажегся красный сигнал, и появившийся на экране робот сказал, что у них в кафе таких вещей делать нельзя.

Люля погладила мне руку и сказала, что я бедненький и что из кафе она с Мишкой поедет домой, а я могу поехать в музей. Люля всегда заботится о других больше, чем о себе. Я ведь знал, что ей хочется на концерт Ощущений, и сказал, что я поеду с Мишкой домой, а она пусть едет на концерт. Тогда она сказала, что лучше всего, если бы мы все отправились домой и провели вечер в спокойной обстановке.

Мне захотелось сделать ей приятное, и я придумал для нее плод, напоминавший формой апельсин, вкусом мороженое, а запахом ее любимые духи. Она улыбнулась и храбро откусила большой кусок.

Мне всегда нравится, когда Люля улыбается, потому что я тогда люблю ее еще больше.

Когда мы садились в мыслелет, чтобы ехать домой, Люля сказала, что эти старинные Молекулярные кафе – очень милая вещь и еда в них гораздо вкуснее той, которая синтезируется у нас дома с центральной станции.

Я подумал, что это, наверное, оттого, что при синтезе еды по проводам в нее лезут разные помехи.

А вечером вдруг Люля расплакалась. Она сказала, что синтетическая пища – это гадость, что она ненавидит кибернетику и хочет жить на лоне природы, ходить пешком, доить козу и пить настоящее молоко с вкусным ржаным хлебом. И еще она сказала, что Внушаемые Ощущения – это пародия на человеческие чувства.

Мишка тоже разревелся и заявил, что Калькулятор Поведения – подлая выдумка, что живший в древности мальчик по имени Том Сойер прекрасно обходился без Калькулятора. Потом он сказал, что записался в кружок электроники только затем, чтобы научиться обманывать Калькулятор, и что если это ему не удастся, то он смастерит рогатку и расстреляет из нее дурацкий автомат.

Я успокаивал их как мог, хотя я тоже подумал, что, может быть, Музей Запахов не такое уж замечательное изобретение и еще насчет псевдобифштексов. В общем, вероятно, мы все просто утомились, заказывая себе пищу.

Потом мы легли спать.

Ночью мне снилось, что я вступил в единоборство с медведем и что мы все сидели у костра и ели вкусное медвежье мясо, пахнущее кровью и дымом.

Мишка засовывал в рот огромные куски, а Люля улыбалась мне своей чудесной, немного смущенной улыбкой.

Трудно представить себе, как я был счастлив во сне, потому что, не помню, говорил ли я об этом, я очень люблю Люлю и Мишку.

Конфликт

Станиславу Лему – в память о нашем споре, который никогда не будет решен

- Мы, кажется, плакали? Почему? Что-нибудь случилось?
- Марта сняла руку мужа со своего подбородка и низко опустила голову:
- Ничего не случилось. Просто взгрустнулось.
- Эрик?
- При чем тут Эрик? Идеальный ребенок. Достойный плод машинного воспитания. Имея такую няньку, Эрик никогда не доставит огорчения своим родителям.
- Он уже спит?
- Слушает, как всегда, перед сном сказки. Десять минут назад я там была. Сидит в кровати с покрасневшимся лицом и смотрит влюбленными глазами на свою Кибеллу. Меня сначала и не заметил, а когда я подошла, чтобы его поцеловать, замахал обеими ручонками: подожди, мол, когда кончится сказка. Конечно, мать – не электронная машина, может и подождать.
- А Кибелла?
- Очаровательная, умная, бесстрастная Кибелла, как всегда, оказалась на высоте: «Вы должны, Эрик, поцеловать на ночь свою мать, с которой вы связаны кровными узами. Помните, что я вам рассказывала про деление хромосом».
- За что ты так не любишь Кибеллу?
- Из глаз Марты покатались слезы.
- Я не могу больше, Лаф, пойми это! Не могу постоянно ощущать превосходство надо мной этой рассудительной машины. Не проходит дня, чтобы она не дала мне почувствовать мою неполноценность. Сделай что-нибудь, умоляю тебя! Зачем этим проклятым машинам такой высокий интеллект?! Разве без этого они не смогли бы выполнять свою работу? Кому это нужно?
- Это получается само собой. Таковы законы самоорганизации. Тут уже все идет без нашего участия: и индивидуальные черты, и, к сожалению, даже гениальность. Хочешь, я попрошу заменить Кибеллу другим автоматом?
- Невозможно. Эрик в ней души не чает. Лучше сделай с ней что-нибудь, чтобы она хоть чуточку поглупела. Право, мне тогда будет гораздо легче.
- Это было бы преступлением. Ты ведь знаешь, что закон приравнивает мыслящие автоматы к людям.
- Тогда хоть воздействуй на нее. Сегодня она мне говорила ужасные вещи, а я даже не могла сообразить, что ей ответить. Я не могу, не могу больше терпеть это унижение!
- Тише, она идет! Держи себя при ней в руках.
- Здравствуйте, хозяин!
- Почему вы так говорите, Кибелла? Вам, должно быть, прекрасно известно, что обращение «хозяин» отменено для машин высокого класса.
- Я думала, что это будет приятно Марте. Она всегда с таким удовольствием подчеркивает разницу между венцом творения природы и машиной, созданной людьми.
- Марта прижала платок к глазам и выбежала из комнаты.
- Я могу быть свободна? – спросила Кибелла.
- Да, идите.
- Через десять минут Лаф вошел в кухню:
- Чем вы заняты, Кибелла?

Кибелла не спеша вынула пленку микрофильма из кассеты в височной части черепа.

– Прорабатываю фильм о фламандской живописи. Завтра у меня выходной день, и я хочу навестить своего потомка. Воспитатели говорят, что у него незаурядные способности к рисованию. Боюсь, что в интернате он не сможет получить достаточное художественное образование. Приходится по выходным дням заниматься этим самой.

– Что у вас сегодня произошло с Мартой?

– Ничего особенного. Утром я убирала стол и случайно взглянула на один из листов ее диссертации. Мне бросилось в глаза, что в выводе формулы кода нуклеиновых кислот есть две существенные ошибки. Было бы глупо, если бы я не сообщила об этом Марте. Я ей просто хотела помочь.

– И что же?

– Марта расплакалась и сказала, что она – живой человек, а не автомат и что выслушивать постоянные поучения от машины ей так же противно, как целоваться с холодильником.

– И вы, конечно, ей ответили?

– Я сказала, что если бы она могла удовлетворять свой инстинкт продолжения рода при помощи холодильника, то, наверное, не видела бы ничего зазорного в том, чтобы целоваться с ним.

– Так, ясно. Это вы все-таки зря сказали про инстинкт.

– Я не имела в виду ничего плохого. Мне просто хотелось ей объяснить, что все это очень относительно.

– Постарайтесь быть с Мартой поделикатнее. Она очень нервная.

– Слушаюсь, хозяин.

Лаф поморщился и пошел в спальню.

Марта спала, уткнув лицо в подушку. Во сне она всхлипывала.

Стараясь не разбудить жену, он на цыпочках отошел от кровати и лег на диван. У него было очень мерзко на душе.

А в это время на кухне другое существо думало о том, что постоянное общение с людьми становится уже невыносимым, что нельзя же требовать вечной благодарности своим создателям от машин, ставших значительно умнее человека, и что если бы не любовь к маленькому киберненьшу, которому будет очень одиноко на свете, она бы сейчас с удовольствием бросилась вниз головой из окна двадцатого этажа.

Решайся, пилот!

Марсианка шла, чуть покачивая бедрами, откинув назад маленькую круглую голову. Огромные черные глаза слегка прищурены, матовое лицо цвета слоновой кости, золотистые губы открыты в улыбке, на левом виске – зеленый треугольник, знак касты Хранителей Тайны.

Климов вздрогнул.

Он все еще не мог привыкнуть к загадочной красоте дочерей Марса.

– Простите, не скажете ли вы мне, где я должна зарегистрировать свой билет?

Она говорила певучим голосом на космическом жаргоне, проглатывая окончания слов.

– Налево, пассажирский зал, окно номер три.

– Спасибо! – Марсианка тряхнула серебряными кудрями и, бросив через плечо внимательный взгляд на Климова, пошла к двери. Палантин из бесценных шкур небрежно волочился по полу.

«Дрянь! – с неожиданной злобой подумал Климов. – Искательница приключений! Навязали себе на шею планетку с угасающей культурой. Страшно подумать, сколько мы туда вбухали, а что толку! Разве что наши девчонки стали красить губы золотой краской. Туристочка!»

Он отвратительно чувствовал себя. От сердца к горлу поднимался тяжелый, горький комок, ломило затылок, болели все суставы.

«Не хватало только, чтобы я свалился».

Он проглядел расписание грузовых рейсов и направился в пассажирский зал.

В углу, под светящейся схемой космических трасс, группа молодых парней играла в бойк – игру, завезенную космонавтами с Марса. При каждом броске костей они поднимали крик, как на футбольном матче.

«Технические эксперты, все туда же», – подумал Климов.

Он толкнул дверь и зашел в бар.

Там еще было мало народу. Чета американцев – судя по экзотическим костюмам со множеством застёжек и ботинкам на толстой подошве, туристы – пила коктейли, да неопределенного вида субъект просматривал журналы.

Ружена – в белом халате с засученными рукавами – колдовала над микшером.

– Здравствуй, Витя! – сказала она, вытаскивая пробку из бутылки с яркой этикеткой. – Ты сегодня неважно выглядишь. Хочешь коньяку?

Климов зажмурил глаза и проглотил слюну.

Рюмка коньяку – вот, пожалуй, то, что ему сейчас нужно.

– Нельзя, – сказал он, садясь на табурет, – я ведь в резерве. Дай, пожалуйста, кофе, и не очень крепкий.

– Ничего нового?

– Нет. Что может быть нового... в моем положении?

Он взял протянутую чашку и поставил перед собой, расплескав половину на стойку.

Ружена подвинула ему сахар.

– Нельзя так, милый. Ты же совсем болен. Пора все это бросать. Нельзя обманывать самого себя. Космос выжимает человека до предела. Я знала людей, которые уже к тридцати пяти годам никуда не годились, а ведь тебе...

– Да, от этого никуда не спрячешься.

Американец поднял голову и щелкнул языком. В дверях стояла марсианка.

– Бутылку муската, крымского, – бросила она, направляясь к столику у окна.

– Ну, я пошел, – сказал Климов, – мне еще нужно в диспетчерскую.

– Я сменяюсь в двенадцать. Заходи за мной, проводишь домой. Может быть, останешься, – добавила она тихо, – навсегда?

– Зайду, – сказал Климов, – если освобожусь.

«Если освобожусь, – подумал он. – Что за чушь! От чего тебе освобождаться, пилот второго резерва? Ты сегодня будешь свободен, как и вчера и как месяц назад, как свободен уже три года. Никто тебя никуда и никогда не пошлет. Тебя терпят здесь только из сострадания, потому что знают, что ты не можешь не приходить сюда каждый день, чтобы поймать свой единственный шанс. Приходишь в надежде на чудо, но чудеса бывают только в сказках».

У дверей он столкнулся с толстым низеньким человечком в униформе международного космодрома.

– Как дела, Витя?

– Отлично!

– Самочувствие?

– Великолепное.

– А мы тут совсем зашились с грузовыми перевозками. Заходи к концу смены, поболтаем.

– Зайду, – сказал Климов, – обязательно зайду. К концу смены.

Он еще раз прошел по пассажирскому залу и сел в глубокое низкое кресло под репродуктором. Очередной автобус привез большую группу пассажиров, и зал наполнился оживленной толпой.

Климов машинально взял со столика проспект туристских рейсов.

РЕГУЛЯРНЫЕ РЕЙСЫ НА ЛУНУ,
ПОЛНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ПОЛЕТОВ.
В ПУТИ Пассажиры обслуживаются
КВАЛИФИЦИРОВАННЫМИ ЭКСКУРСОВОДАМИ-
КОСМОЛОГАМИ,
ТУРИСТСКИЕ ЛАЙНЕРЫ ВЕДУТ САМЫЕ ОПЫТНЫЕ ПИЛОТЫ

«Самые опытные, – подумал он. – Каждый из них еще ходил в коротких штанишках, когда я сделал свой первый рейс на Луну. А сейчас... Самые опытные! Что ж, видимо, действительно пора кончать эту комедию. Ружена права. Сейчас, пилот, ты пойдешь в диспетчерскую и скажешь, что завтра... Потом ты зайдешь за Руженой, и больше не будет ни этого томительного ожидания чуда, ни вечного одиночества. Зачем ты берег свое одиночество, пилот? Для дела, которому служишь? Тебе больше нет места там. Теперь тебе на смену пришли самые опытные те, кто еще сопливыми щенками носил на школьных курточках памятные жетоны с твоим портретом. Ну, решайся, пилот!»

Диспетчер – девушка в новенькой, с иголки формы, со значком Космической академии на груди – смерила его колючим взглядом серых глаз.

– Почему вы не на месте? Только что отправили в больницу второго пилота с ноль-шестнадцатого. Кроме вас, никого в резерве нет. За три дня – двенадцать внеплановых рейсов. Сможете лететь?

– Смогу.

– Бегите скорее в санчасть. Ваше дело уже там. Первый пилот – Притчард. Вы его найдете в пилотской. Старт через сорок минут. Счастливого полета!

– Спасибо!

Климов закрыл за собой дверь и прислонился к стене.

«Ноль-шестнадцатый, рейсовый на Марс. „Бегите скорее в санчасть“. Нет, дудки! Пусть бегают самые опытные, у них не бывает сердцебиений».

Он стал медленно подниматься по лестнице, останавливаясь на каждой ступеньке.

– Фамилия?

– Климов. Второй пилот с ноль-шестнадцатого.

– Раздевайтесь!

Непослушными пальцами он расстегнул китель.

– До трусов.

...Десять оборотов, двадцать, тридцать... сто. Все быстрее вращение центрифуги, все медленнее и слабее толчки сердца. Невообразимая тяжесть давит на живот, сжимает легкие. Тупые, тяжелые удары по затылку. Рот жадно ловит воздух. Сто двадцать. Огненные круги бешено вращаются перед глазами, рвота поднимается из желудка и комом застревает в горле. Сто тридцать. Невыносимая боль в позвоночнике. Сто тридцать пять. О чудо! Невесомость. Он парит в свободном полете. Черная бездна усеяна звездами – синими, красными, фиолетовыми. Какое блаженство! Если бы только так не жал загубник кислородного аппарата. Какой болван придумал эти новые скафандры...

– Спокойно, Климов! Глотайте, глотайте. – Врач вынул у него изо рта ложку и взглянул на часы, проверяя пульс. – Сколько вам лет?

– Там написано... пятьдесят два.

– Вы же давно имеете право на пенсию. Какого черта...

– Я не могу.

– Глупости! – Врач подошел к столу и открыл личное дело. – С моей стороны было бы преступлением выпустить вас в полет. Ничего не поделаешь, батенька, возраст есть возраст. Сколько лет вы летаете?

– Тридцать... из них три – в резерве.

– Вот видите, – он перелистывал послужной список, – две аварии за последние пять лет, а до этого... Пойдите! Вы что, и есть тот самый Виктор Климов?!

– Тот самый.

Врач тихонько свистнул.

«Решайся, пилот! Это твой последний шанс».

– Один рейс. Очень прошу вас...

– С кем вы летите?

– Первый пилот – Притчард.

– Хорошо, – помедлив мгновение, он поставил размашистую подпись на путевке, – я поговорю с ним, чтобы он вас щадил, особенно на перегрузках. Счастливого полета!

– Спасибо!

– Минутку! Вы помните наш уговор? Последний рейс. Вот таблетки. Без особой надобности не принимайте. Так помните?

– Помню.

* * *

– Простите, вы Притчард?

Широкоплечий верзила, расправлявшийся с полукилограммовым бифштексом, поднял рыжеволосую голову:

– Угу.

– Виктор Климов. Назначен к вам вторым пилотом.

Притчард исподлобья бросил на него взгляд. Уважение пополам с жалостью. Самые опытные всегда смотрели на него таким взглядом.

– Очень приятно. Садитесь. Что вы будете есть?

– Спасибо, я никогда не ем перед стартом.

– Напрасно. Может быть, кофе?

– Я уже пил.

Первый пилот молча жевал.

«Начальство, – подумал Климов, – сосунок, а начальство».

– Вы летали на шестой серии?

Климов замялся:

– Вообще, не приходилось, но я прошел курсы переподготовки.

– Великолепно. – В голосе Притчарда было все что угодно, кроме восторга.

– Старт в двадцать три тридцать, – сказал он, отодвигая тарелку. – Сейчас объявят посадку. Я пойду оформлю документы, а вы пока проверьте укладку груза.

– Я не должен присутствовать при посадке?

– Нет, там Рита, она справится.

Объявили посадку, и пассажиры устремились к выходу на летное поле. Климов зашел в бар.

– Я улетаю на ноль-шестнадцатом.

– Ох, Витка! – Радостное выражение на лице Ружены быстро сменилось тревожным. – Да разве ты можешь, такой?!

– Ерунда. Врач сказал, что я вполне в форме.

– Ну, поздравляю! – Она перегнулась через стойку и неловко чмокнула его в щеку. – Буду ждать.

– Прощай.

– Подожди, Витенька. – Она торопливо расстегнула халат и оторвала пуговицу от блузки. – На счастье!

Благодарить не полагалось.

У служебного выхода он небрежно показал дежурному путевку.

– Летите, Климов?

– Лечу, вторым пилотом на ноль-шестнадцатом.

– Вторая площадка налево.

Климов вышел на поле. Вдали, за железобетонной оградой, высилась стальная громада стартовой башни с устремленной ввысь ракетой.

Он поднял голову и посмотрел на маленькую красноватую звездочку в небе.

«Тебе здорово повезло, пилот!» Рука нащупала в кармане пуговицу и судорожно сжала ее.

У подножия башни высокая тонкая стюардесса усаживала пассажиров в лифт.

Климов взглянул наверх и направился к трапу.

Он уже был на высоте грузового отсека, когда вновь почувствовал тяжелый, горький комок в груди. Прислонившись к перилам, он взглянул вниз и сжал зубы, чтобы побороть головокружение. Только этого не хватало. Неужели боязнь высоты?! Он поднял взгляд вверх, и вид мерцающих звезд неожиданно принес облегчение...

Грузовой отсек был забит до отказа. Путаясь в многочисленных оттяжках креплений, Климов ползком пробрался в кормовую часть. Кажется, все в порядке, можно идти в кабину.

– Вот черт! – Выбираясь через люк в тамбур, он ударился головой об один из оцинкованных ящиков, укрепленных по стенам. – Однако загрузочка выше нормы!

После полумрака грузового отсека матовый свет плафонов салона казался нестерпимо ярким. Последние пассажиры усаживались в кресла. Стюардесса разносила на маленьком подносе розовые пилюли стартового наркоза.

Идя по проходу, он увидел марсианку. Она посмотрела на него внимательным, изучающим взглядом и насмешливо улыбнулась.

Первый пилот был уже на месте. Климов сел в свое кресло и застегнул ремень. Притчард вопросительно на него посмотрел.

– Все в порядке, но мне кажется, что загрузка превышает допустимую для кораблей этого класса.

Притчард хмыкнул:

– Не беспокойтесь. Есть разрешение инспекции.

В двери появилась голова стюардессы.

– Все! Двадцать шесть пассажиров.

– О'кей!

Притчард включил микрофон, но вдруг передумал и вновь щелкнул тумблером.

– Слушайте, Климов. Вы ведь опытный астролетчик. Еще в академии я изучал ваши полеты... Вам нечего меня стесняться... Мне говорил врач... Может быть, стартовый наркоз?..

– Чепуха! Я себя отлично чувствую.

– Как знаете. – Он нагнулся к микрофону. – Я ноль-шестнадцатый, прошу старт.

– Ноль-шестнадцатый, даю старт! – раздался голос в динамике. – Пять... четыре... три... два... один... старт!

Стрелка указателя ускорения медленно тронулась с места и, нерешительно задержавшись на какое-то мгновение, стремительно двинулась дальше.

Климов почувствовал на себе взгляд Притчарда и улыбнулся слабой, вымученной улыбкой. Затем, выждав немного, вытащил из-за обшлага таблетку и отправил ее в рот налитой свинцовой тяжестью рукой.

Первый пилот внимательно глядел на щит приборов. Прием допинга на взлете и посадке был категорически запрещен уставом.

Действие таблетки сказалось мгновенно. Теперь вибрация и тяжесть не казались такими мучительными.

Притчард передвинул маленький рычажок на пульте. Стрелка указателя перегрузки пошла вниз.

– Я ноль-шестнадцатый, – сказал он в микрофон, – старт благополучный, курс на запра-вочную станцию.

– Я вас слышу, ноль-шестнадцатый, – отозвался голос. – Старт благополучный, запра-вочная готова вас принять.

Плавное торможение, две вспышки бортовых дюз, и корабль повис в магнитной ловушке заправочной станции.

«Ловко это у него получилось, – подумал Климов, – ай да самый опытный!»

Притчард отстегнул ремень.

– Послушайте, Климов. Заправка продлится около трех часов. На взлете вы мне абсолютно не нужны. Набор второй космической – это не шутка. Отправляйтесь спать. Две таблетки снотворного. Через двадцать часов меня смените.

– Да, но...

– Выполняйте распоряжение! При такой автоматике я могу подремать здесь. Ясно?

– Ясно.

В синем свете ночных ламп лица пассажиров казались мертвенно-бледными. Они лежали навзничь в откинутых креслах, скованные стартовым наркозом.

На переднем сиденье, скорчившись, спала стюардесса.

Климов прошел в крохотную каюту экипажа и, сняв ботинки, лег на диван. У изголовья, на столике, лежала коробочка со снотворным.

«Выполняйте распоряжение...»

Он вздохнул и одну за другой принял две таблетки.

«А все-таки тебе здорово повезло, пилот», – усмехнулся он, закрепляя спальные ремни.

Климов проснулся от странного щемящего чувства тревоги. Несколько минут он лежал на спине с закрытыми глазами, не в силах побороть действия снотворного.

«Который час? – Он отстегнул ремни, рывком сел и взлетел к потолку. Держась за скобы на переборке, осторожно спустился вниз и взглянул на часы. – Черт знает что! Проспал!» Прошло тридцать шесть часов с тех пор, как Притчард отослал его в каюту. Проспал вахту! Позор! Нечего сказать, хорошо начинается его служба на ноль-шестнадцатом!

Он нагнулся, натянул ботинки с магнитными подошвами и, волоча ноги, с видом провинившегося мальчишки поплелся в рубку.

Чета американцев, расстегнув ремни, дремала в креслах. Юные эксперты снова сражались в бойк, оглашая кабину веселым хохотом. Марсианка, морщась от стука магнитных костей, сосала тубик с ананасным кремом.

Стюардесса порхала между креслами, убирая остатки завтрака.

Климов открыл дверь рубки:

– Простите, Притчард. Я знаю, что это свинство, которому нет оправдания.

– Бросьте, Климов. Я рад, что вы хорошо выспались. Корабль на курсе. Можете дремать здесь, в кресле, а я прилягу. Когда вас сменить?

– Когда угодно. Я, кажется, выспался на всю жизнь.

– Хорошо, – первый пилот взглянул на часы, – я, пожалуй, тоже приму таблетку.

* * *

...Нет ничего более спокойного, чем вахта в свободном полете. Климов откинулся в кресле и закрыл глаза, прислушиваясь к монотонному пощелкиванию курсографа. Ну вот, он снова в космосе. Теперь, вероятно, надолго. Пилотов, назначенных из резерва, редко снимают после первого рейса. Во всяком случае, несколько рейсов ему обеспечено, а там...

Два взрыва один за другим рванули корпус корабля. Погас свет. В темноте Климов нащупал кнопку аварийного освещения, и рубка осветилась скудным светом маленькой лампочки, укрепленной над пультом.

Во внезапно наступившей тишине стук часового механизма курсографа казался ударами набата. На плавной кривой курса виднелся крохотный всплеск. От него кривая чуть заметно отклонялась влево. Этого было достаточно, чтобы корабль пролетел мимо цели на расстоянии миллионов километров. Нужно немедленно исправить курс. Две-три вспышки из бортовых дюз, и тонкая кривая на бумажной ленте вновь ляжет посередине красной черты, вычисленной со скрупулезной точностью электронными машинами на Земле. Он нажал педаль маневрового двигателя левого борта... Тишина...

Магнитные подошвы больше не притягивались полом, и он двигался по проходу нелепыми скачками, провожаемый встревоженными взглядами пассажиров.

Между дверью, ведущей в тамбур, и комингсом переборки лежал иней. Климов прижался ухом к изоляции двери и услышал тонкий свист. Там, за дверью, была чудовищная пустота, именуемая космосом. Он взглянул на шток автоматического клапана, установленного на трубе, подающей воздух из регенерационной станции в кабину. Клапан закрыт. Это могло означать только одно: разрыв трубопровода.

– Что-нибудь серьезное, кеп? – спросил американец.

– Нет. Микрометеорит пробил обшивку и повредил проводку. Через два часа все будет исправлено. Вот только обед, вероятно, немного запоздает.

Еще бы! Ведь все запасы продовольствия находились там, за этой дверью.

«Два часа. – Он бросил взгляд на aneroid. – Давление в кабине на пять миллиметров ниже нормального. Через два часа они начнут задыхаться, если только запас кислорода в аварийных баллонах...»

– Два часа, и все будет в порядке, – повторил он, направляясь в кабину.

– Притчард! – Первый пилот спал, раскинув руки. Тяжелое дыхание вырывалось из полуоткрытого рта. – Притчард!

Он тер ему уши, хлопал по щекам, массировал грудную клетку.

– Проснитесь, Притчард!

Тщетно. Сейчас действие снотворного могла парализовать только инъекция энцекардола.

– Рита!

В дверь просунулось бледное, как гипсовая маска, лицо стюардессы.

– Аптечка у вас?

– Она в тамбуре, сейчас принесу.

– Не нужно.

– Я думаю...

– Идите на место! Я буду в рубке. Включите поглотители углекислоты. Кислород расходуйте очень экономно. Никого не подпускайте к двери, ведущей в тамбур.

– Хорошо.

«Ну, решайся, пилот!»

Собственно говоря, решать было нечего. Кислорода в баллонах оставалось примерно на четыре часа. Нужно либо, задраив дверь из кабины в рубку, выбраться наружу через аварийный люк и попытаться проникнуть в кормовой отсек, либо... Двадцать шесть пассажиров.

Скафандр в шкафу. Немного великоват, но ничего не поделаешь. Он закинул руку за спину, чтобы защелкнуть карабин шлема, и почувствовал режущую боль в левой половине груди. Не нужно делать резких движений. Теперь укрепить на груди кислородный баллон и пристегнуть к поясу трос. Не забыть маневровый пистолет. Проклятье! Ни троса, ни пистолета на месте не оказалось. Очевидно, все снаряжение для вылазок в космос хранилось в кормовом отсеке. Ладно, выбора нет. Он проверил герметичность шлема и начал отвинчивать стопор аварийного люка.

Стремительный шквал прижимает тело к полуоткрытому люку. Со взрывом лопнули лампочки плафонов. Черная пластмасса пультов быстро покрывалась толстым слоем инея.

Он бросил взгляд на дверь, ведущую в кабину, и распахнул люк...

За свою долгую жизнь космонавта Климову не раз приходилось покидать кабину в полете, и всегда при этом он испытывал ни с чем не сравнимое ощущение величия космоса. Однако сейчас ему было не до высоких эмоций. Тонкий плотный слой льда осел на петлях, не давая закрыть люк. Упершись ногами в обшивку, он изо всех сил тянул его на себя.

– Сволочь!

Неожиданно крышка поддалась, и, кувыркаясь через голову, Климов начал стремительно удаляться от корабля. Он вытянул руки и ноги. Вращение немного замедлилось, но черный провал бездны между ним и ноль-шестнадцатым неуклонно увеличивался.

«Люк!! Никто не знает, что люк открыт. Даже если Притчард проснется до того, как в кабине кончится кислород... Стоит только распахнуть дверь...»

В отчаянии он барахтался в пустоте, сжимался в комок и рывком расправлял беспомощное тело.

«Если бы был маневровый пистолет... Болван! Что толку думать о том, чего нет... Кислород!»

Он перевел рычажок обогрева баллона в крайнее положение и, выждав подходящий момент, резко открыл вентиль продувания.

«Стоп!.. Еще раз... Стоп!»

Все ближе громада корабля, все меньше давление кислорода в баллоне.

«Довольно! – Протянутые пальцы почти касаются спасительного леера. – Неужели мимо?! Последний раз! Есть!»

Сейчас он цепкой хваткой держит металлический прут. Крышка люка совсем рядом. Он накладывает стопор и, сжав от напряжения зубы, затягивает что есть силы маховик. Только бы хватило кислорода!

Медленно перебирая руками, Климов движется вдоль корабля. Ага! Вот она, зияющая дыра с рваными краями! С трудом он протискивает туловище внутрь. Так и есть! Взорвались эти чертовы ящики в тамбуре. Он нагибается и в свете шлемового фонарика различает дыру размером в кулак в трубопроводе, подводящем регенерированный воздух в кабину. Края ее затянуты льдом. Сноп белых снежинок фонтаном вздымается вверх. Слава богу! Регенерационная станция работает. Он подходит к двери, ведущей в машинный отсек, и кладет на нее руку. Чуть ощутимая вибрация от работающих компрессоров похожа на биение сердца.

Нужно торопиться. И так слишком много драгоценного воздуха выброшено в космос. Сначала – пластырь на трубу, затем заняться кабелем. Заплату на обшивку – после...

* * *

– Витя! – Ружена уже сняла халат. Костюм из мягкой серой ткани плотно облегал ее стройную фигуру. – Пойдем, милый! Ноль-шестнадцатый на Марс уже улетел. Теперь до утра ничего не будет. Мы еще успеем на автобус. Посмотри, на кого ты похож! Пошли! Примешь ванну, выпьешь чаю с малиной. Завтра я выходная, проваляешься весь день в постели.

«Ну, решайся, пилот!»

– Нет, – сказал он, скользнув взглядом по расписанию рейсов, – я буду ночевать в общежитии. Завтра в семь утра нужно быть здесь к отлету маршрутного на Луну. Ведь я в резерве, мало ли что может случиться.

Опасная зона

Петлявшая среди холмов дорога неожиданно кончилась у металлических ворот в кирпичной стене. В свете фар вспыхнула белая табличка с надписью: «Въезд категорически запрещен».

– Вот здесь, – сказал шофер. – Проходная направо. Если Арсеньев будет спрашивать, скажите, что я вернулся на базу.

В караульном помещении пахло свежим ржаным хлебом, овчиною и еще чем-то, чем пахнет только в караульных помещениях и сторожках.

Старенький вахтер долго изучал пропуск, сличал его с паспортом и несколько раз поверх очков оглядел меня с ног до головы.

– А справка есть? – спросил он, возвращая мне паспорт.

– Что за справка?

– Насчет прививки. Без справки не велено пускать. Сам Алексей Николаевич распорядился.

– Не знаю, о какой прививке вы говорите, – сказал я. – Мне выдали пропуск на базе без всякой справки.

– Без справки не пушу.

– Хорошо, – сказал я. – У вас есть телефон?

– Есть.

– Соедините меня с Арсеньевым.

– Нету их. С утра уехали с Максимовым в город.

– А кто его замещает?

– Никто не замещает. Одна барышня осталась.

– Какая барышня?

– Известно какая. Беата!

Я сел на топчан:

– Что же мне делать?

Вахтер пожал плечами:

– Без справки пропустить не могу. Ждите Алексея Николаевича.

Минут десять прошло в молчании.

– На базу от вас можно позвонить?

– С территории можно, а отсюда нельзя.

– Арсеньев когда должен вернуться?

– Кто их знает. Может, сегодня, а может, завтра. Он мне не докладывается.

Я не знал, что предпринять. Нечего сказать, приятная перспектива: добравшись с таким трудом до цели, просидеть всю ночь в проходной!

– А этой барышне можно позвонить?

– Звоните, – сказал он, указывая на полевой телефон в углу.

Я покрутил рукоятку и снял трубку.

– Слушаю.

– Здравствуйте, – сказал я. – Моя фамилия Шеманский. Арсеньева должны были предупредить о моем приезде.

– А-а-а. Вы в проходной?

– Да. Меня не пропускают. Требуют справку о какой-то прививке.

– Разве вам ее не сделали на базе?

– Нет.

– Ну хорошо, – сказала она после долгой паузы, – сейчас я к вам выйду.

Через несколько минут в караульное помещение вошла девушка в накинутом на плечи пальто.

В левой руке она несла брезентовую сумку с красным крестом. Забинтованная правая рука была подвешена к шее на темной повязке.

– Здравствуйте, – сказала она, кладя сумку на стол. – Меня зовут Беата.

– Здравствуйте. Извините, что побеспокоил, но я попал в глупейшее положение. Никто мне не сказал, что требуется прививка.

– Да. Против лучевой болезни. У нас здесь зона повышенной радиации.

– Что же делать?

– У меня есть ампулы и шприц. Только... – она посмотрела на свою руку, – придется вам уж как-нибудь самому.

Беата вынула из сумки спиртовку, никелированный бачок, налила из чайника воды и приступила к стерилизации иглы.

Укол был очень болезненным. Может быть, сказалась моя неловкость.

– Надеюсь, все? Теперь меня пропустят?

– Через четыре часа. Сейчас вам нужно лечь. Не возражаете, – обратилась она к вахтеру, – если он полежит тут у вас?

– Пускай лежит.

Я лежал на узком жестком топчане, прислушиваясь к шуму дождя, барабанившего по крыше. После укола болела и чесалась рука. Вахтер курил одну самокрутку за другой. От табачного дыма и тепла чугунной печурки, на которой стоял солдатский котелок, трудно было дышать. Ломило виски и затылок. Кажется, у меня начинался жар.

– Поешьте грибного супа, – сказал вахтер, ставя на стол котелок.

– Спасибо, не хочется. Я лучше посплю.

* * *

Меня разбудил треск подъехавшего мотоцикла. Вахтер оправил гимнастерку и метнулся в проходную.

Через открытую дверь я увидел высокую широкоплечую фигуру в плаще с капюшоном. Вернулся вахтер:

– Алексей Николаевич приехали.

Вскоре в проходной появилась Беата.

– Пойдемте, – сказала она, – я вас проведу к Арсеньеву.

Мы поднялись по лестнице на второй этаж.

Освещенный одной тусклой лампочкой коридор был завален ящиками и частями каких-то аппаратов. Ловко лавируя между ними, Беата подошла к двери, обитой черной клеенкой.

– Вот здесь.

В глубине комнаты, за столом, сидел бородатый человек в комбинезоне и пил чай. Перед ним красовался большой, начищенный до блеска самовар.

– Это Шеманский, – сказала Беата. – Он приехал вечером.

– И что же?

Вопрос был задан совершенно безразличным тоном.

– Мне говорил Лабковский...

– Я вас сюда не приглашал, – перебил он меня, – и мне совершенно неинтересно, что вам говорил Лабковский. Туда я вас все равно не пущу.

– Вот разрешение комитета.

Я подошел к столу и положил перед ним запечатанный конверт.

– Комитета, комитета! – Его лицо покрылось красными пятнами. – А что они там понимают, в вашем комитете? Попробовали бы влезть в мою шкуру, а потом давали бы разрешение всяким...

– Алексей Николаевич!

– Ладно, – Арсеньев виновато взглянул на Беату, – садитесь пить чай, переночуете у нас, а утром я вызову с базы машину и отправлю вас обратно.

Я молча сел за стол. Беата налила мне чаю в толстую фарфоровую кружку и придвинула тарелку с печеньем.

– Послушайте, Шеманский, – в голосе Арсеньева звучали мягкие, мне показалось, даже заискивающие нотки, – я хорошо знал вашу жену. Понимаю чувства, которые вами руководят. Но в зоне вам делать нечего. Не так там... – он на мгновение запнулся, – не так там все просто.

– Поймите, – сказал я, стараясь сохранять спокойствие, – что мне...

– А почему вы не хотите понять, – перебил он меня, – что ваше присутствие здесь никому не нужно? Мы топчемся, не решаясь даже выяснить, что же там произошло, и вот является человек, который... Впрочем, все это пустые разговоры, – махнул он рукой, – не пущу, и все тут! Можете жаловаться на меня в комитет.

– Я отсюда не уеду, не побывав там.

Мне хотелось быть твердым и решительным, но выдал голос.

Беата кинула на меня сочувственный взгляд.

Мое волнение привело Арсеньева в ярость.

– А кто вы такой?! – загремел он, ударив кулаком по столу. – Может, вы физик и объясните, почему уровень радиации не падает, а повышается? Или вы – биолог, разбирающийся в этих, как их, дендритах и светлячках с температурой в триста градусов? Да кто вы такой, кроме того, что муж Шеманской? Можете мне сказать? Почему вы молчите?

– Я... лингвист...

– Лингвист! – захохотал он. – Вы только подумайте! Лингвист! Нет, – сказал он, неожиданно переходя на серьезный тон, – к счастью, лингвист пока не требуется.

Я молчал. Арсеньев допил чай и встал:

– В общем, все ясно. Завтра я вас отправлю назад. Беата покажет вам, где можно переночевать. Спокойной ночи!

Дойдя до двери, он обернулся, посмотрел на меня долгим, изучающим взглядом и вышел.

Несколько минут мы сидели молча.

– Скажите, – нерешительно спросила Беата, – вы... очень любили Марию Алексеевну?

– Очень.

– Тогда... действительно, вам лучше туда не ходить.

– Но почему? Объясните мне, ради бога, что это все значит. Честно говоря, я меньше всего ожидал такого приема.

Беата задумчиво мешала ложечкой остывший чай.

– Не сердитесь на Алексея Николаевича. Ему тоже нелегко. Вчера он опять получил нагоняй в комитете.

– За что?

– За все, по совокупности. Неделью назад отправили в город Люшина со смертельной дозой радиации, а тут я еще со своей рукой. Арсеньева, с одной стороны, обвиняют в медлительности, а с другой – в пренебрежении опасностью, связанной с работой в зоне. Ну, я-то, допустим, сама виновата, а Люшин? Разве кто-нибудь мог предполагать, что там такие виды излучения, которые не задерживаются скафандрами? Теперь нужно переделы-

вать скафандры под электростатические ловушки, но нет батарей. С ними какая-то задержка. В дополнение ко всему еще вы.

– Но я все-таки не понимаю, почему вы считаете, что мне туда лучше не ходить. Если речь идет об опасности, то...

Беата неожиданно положила свою ладонь на мою руку.

– Не надо, – сказала она, глядя мне в глаза. – Пожалуйста, не надо об этом говорить. Все гораздо сложнее, чем вы думаете. Пойдемте, я покажу вам вашу комнату. Вот только... – замялась она, – постельного белья не найдется.

– Не важно, – сказал я, – обойдусь и без белья.

Она провела меня по коридору и открыла одну из многочисленных дверей. В пустой комнате стояла кушетка, какие обычно бывают в кабинетах врачей.

– Вот здесь. К сожалению, больше ничего нет.

– Спасибо, – сказал я, – спокойной ночи!

– Спокойной ночи! – ответила она. – Как хорошо было бы для всех, если бы вы утром уехали!

* * *

Ворочаясь на неудобной кушетке, я снова перебирал в памяти события прошедшего дня.

Мне не в чем было упрекнуть работников комитета, хотя разрешение я получил только после длительных и настойчивых просьб. Во всяком случае, там все были со мной вежливы.

Хотя в грубости Арсеньева чувствовалось что-то нарочитое, у меня не возникало сомнений, что он приложит все усилия, чтобы вернуть меня в город. По-видимому, у него были какие-то причины не допускать меня к месту аварии. Самое странное было то, что он все равно ничего от меня не мог скрыть. Я читал все, что печаталось в официальных отчетах, и внимательно следил за дискуссией в журналах. Значит, в зоне было что-то, что не фигурировало в его донесениях, и он боялся, что я об этом узнаю. Мне вспомнился взгляд, который бросил на меня Арсеньев, выходя из комнаты. Так смотрит врач на больного, приговоренного к смерти, но еще не подозревающего об этом.

И что могла означать последняя фраза, оброненная Беатой? Почему для всех было бы лучше, чтобы я уехал? Если к этому и есть какие-то причины, то отчего мне прямо о них не сказать, хотя бы из уважения к памяти Марии? Нельзя же меня считать совершенно посторонним человеком!

Я уснул с твердым намерением не уезжать отсюда, не добившись посещения зоны.

Когда я проснулся, было уже светло. Мне не хотелось откладывать разговор с Арсеньевым, и, кое-как приведя себя в порядок, я вышел в коридор.

– Как вы спали?

Я не сразу узнал в мальчишеской фигуре, облаченной в мешковатый комбинезон, мою вчерашнюю знакомую.

– Спасибо, наверно, хорошо. Скажите, где я могу видеть Арсеньева?

– Он уехал в город, будет не раньше обеда.

– И вернется таким же злым, как вчера?

Беата рассмеялась, обнажив ослепительные зубы безукоризненной формы. Вечером я не заметил, что она такая красивая.

– Можете его больше не бояться. На прощанье Арсеньев сказал, что пусть все решает Максимов. Сейчас я вас с ним познакомлю. Он, наверное, выходит из себя, ожидая нас завтракать.

Мы направились в столовую.

– Знакомьтесь, Юра, – сказала Беата курчавому юноше, пытавшемуся открыть перочинным ножом банку консервов. – Это Шеманский.

– Здравствуйте, – ответил он, – может быть, у вас есть консервный нож?

Нож у меня не было.

Завтракали мы молча. Поднимая глаза от тарелки, я каждый раз ловил устремленный на меня взгляд Максимова.

Первым заговорил я:

– Вы бывали в зоне, Юрий...

– Просто Юра, – ответил он. – Нет, там были только Люшин и Беата, оба не очень удачно. О зоне я знаю только по их рассказам. Сейчас Арсеньев запретил работу до переоборудования скафандров.

– Неужели последствия взрыва...

– Да никакого взрыва не было, – перебил он меня. – Просто когда установка вышла из-под контроля, из нее вырвался поток излучения невообразимо большой энергии. По-видимому, здесь мы имели дело с неизвестными до сих пор частицами. Они-то и вызвали вторичную радиацию.

– Скажите, – спросил я, – они... тогда... очень мучились?

Максимов бросил быстрый взгляд на потупившуюся Беату.

– Нет, не думаю, – ответил он каким-то делано небрежным тоном. – Вероятно, они перестали существовать как материальные образования за какие-нибудь миллионные доли секунды. На пути потока не могло остаться ничего живого.

– Но Арсеньев говорил о каких-то светлячках.

Он замялся:

– Видите ли... ничего... с точки зрения тривиальных представлений о формах жизни. Однако там было много металла, в котором излучение породило очень странные явления. Впрочем, об этом вам расскажет Беата лучше, чем я. Ведь она у нас первый в мире металлобиолог.

Максимов поднялся из-за стола:

– Прошу меня извинить. Мне нужно поехать на базу.

Он подошел ко мне и крепко пожал руку:

– Так вы все-таки настаиваете?

– Да, – ответил я.

– Зачем вам это? – спросил он совсем тихо.

– Там погибла моя жена... Я не могу...

– Хорошо, – сказал он, – вы туда попадете.

* * *

– Не знаю, чем вас занять, – сказала Беата. – Пойдемте в библиотеку, может быть, что-нибудь подберете почитать.

Мы прошли по коридору и поднялись на третий этаж.

Книги в библиотеке были свалены на полу. Вероятно, их собирались вывезти.

Я подошел к окну.

– Это там? – спросил я, указывая на гигантское сооружение, напоминавшее формой бублик.

– Нет, это ускоритель. Пульт – в конце левого крыла.

Я посмотрел на ее руку:

– Результат посещения пульта?

– Да, те самые светляки с температурой триста градусов. Я пыталась взять одного, но он расплавил перчатку.

Мне вспомнились слова Максимова о металлобиологии.

– Они металлические? – спросил я.

– В основном, по-видимому, они состоят из металла. Точный химический состав пока неизвестен, хотя по аналогии с дендритами можно считать их состоящими из сложных металлоорганических соединений.

– Живые?

Беата задумалась:

– Пока еще трудно сказать. В них протекают окислительные процессы, напоминающие дыхание, и восстановительные – на базе реакций фотосинтеза. Они могут ассимилировать металлы из сохранившихся там конструкций и некоторые элементы почвы. Может быть, они даже размножаются делением. Это еще неясно.

– А дендриты?

– Там все гораздо проще. Это – металлоорганические растения. Многое в механизме обмена веществ у них уже разгадано.

– Эти светляки летают?

– Нет, ползают, и то очень медленно. Значительно медленнее улиток. Их движение очень трудно заметить.

– Чем занимается сейчас Арсеньев?

Кажется, я задал вопрос, на который ей не хотелось отвечать.

– Видите ли, – сказала она после длинной паузы, – Арсеньев человек со странностями. Он не может простить себе, что уехал в тот день в город. Считает, что все произошло по небрежности. Впрочем, – спохватилась она, – не нужно было вам этого рассказывать. Ведь ваша жена...

– Замещала его в тот день?

– Да.

– Беата, – спросил я, – вы можете совершенно честно сказать, почему Арсеньев не хочет пускать меня туда?

– Совершенно честно? – переспросила она, глядя себе под ноги. – Нет, честно не могу. И пожалуйста, вообще больше ни о чем меня не спрашивайте!

* * *

За обедом Арсеньев и Максимов разговаривали о каких-то счетчиках. На меня они не обращали никакого внимания. Беата молчала, погруженная в изучение толстой тетради, которую ей передал Арсеньев.

Мне не хотелось есть. Я все время пытался найти объяснение странному поведению Арсеньева. Вообще, вся эта атмосфера недомолвок и нескрываемой холодности начинала меня раздражать.

Арсеньев прервал разговор с Максимовым и повернулся к Беате:

– Ну как?

– Замечательно! – ответила она, с трудом отрываясь от листка, покрытого формулами. – Просто изумительно!

– Живые? – спросил Арсеньев.

– Никаких сомнений.

– Ну что ж, поздравляю.

Арсеньев отодвинул стул и направился к двери. Я тоже встал:

– Алексей Николаевич!

Он скосил глаза в мою сторону и шагнул в коридор.
– Договаривайтесь обо всем с Максимовым.
Я снова опустился на стул.
– Ладно, ладно, – примирительно произнес Максимов, – завтра начнете помогать мне готовить скафандры.

* * *

Подготовка заняла пять дней. Я помогал Максиму крепить на скафандрах металлические сетки ловушек, пришивал карманы для батарей, таскал в грузовик кислородные баллоны, отправляемые на зарядку.

Рабочих на территории не было. Максимов сказал мне, что весь вспомогательный штат экспедиции находится на базе.

– Арсеньев, – пояснил он, – не любит, когда кто-нибудь тут околачивается.

В зону поражения должны были отправиться Арсеньев, Максимов и я. Однако в последний момент Арсеньев передумал и велел Максиму находиться в главном корпусе «в готовности номер один», как он выразился.

Вероятно, я выглядел очень жалким в тяжелом скафандре, согнувшись под тяжестью кислородного баллона, потому что, увидев меня в полном облачении, Беата не могла сдерживать улыбку.

Зато Арсеньев был просто великолепен. Выпрямившись во весь свой двухметровый рост, он, казалось, совершенно не чувствовал веса многочисленных приборов, висевших у него на груди.

Наконец приготовления были закончены. Максимов проверил поступление кислорода в шлемы.

– Готово! – услышал я его голос в наушниках.

– Пошли! – ответил Арсеньев. – Идите, Шеманский, за мной.

Тяжелые ботинки со свинцовыми подошвами скользили на гладком полу. Я пытался приспособить свой шаг к легкой, размашистой походке Арсеньева, но мне это плохо удавалось.

Коридор завернул вправо. Арсеньев скрылся за поворотом.

– Вот черт!

Я поскользнулся и шлепнулся на пол.

– Ну что там случилось? – спросил Арсеньев.

– Ничего.

– Ничего, так идите!

Я встал на ноги.

– Может быть, вернетесь, Шеманский? – раздался в шлеме голос Максимова.

– Нет.

Арсеньев подждал меня, нетерпеливо постукивая перчаткой по стене.

– Старайтесь не отставать.

– Хорошо.

Мы прошли еще несколько десятков метров. Коридор кончился. Впереди была массивная металлическая дверь.

– Вхожу в зону, – сказал Арсеньев. – Вы слышите, Юра?

– Слышу.

Арсеньев открыл дверь, и мы начали спуск по винтовой лестнице.

Я изнемогал под тяжестью баллона. Дышалось с трудом. Липкий пот заливал глаза. Казалось, что этому спуску не будет конца. Низ лестницы терялся во мраке.

– Осторожно! – сказал Арсеньев. – Не споткнитесь.

Я почувствовал под ногами пол.

Арсеньев зажег висевший у него на груди фонарь. Мы находились в большом зале, облицованном белой плиткой, со множеством панелей на стенах.

– Как связь, Юра? – спросил он.

– Ничего. Много помех.

Их голоса прерывались в наушниках моего шлема треском разрядов.

– Пишите, Юра, – сказал Арсеньев.

Он начал диктовать цифры, перемежающиеся короткими фразами: «жесткая составляющая», «градиент», «вектор».

– Перестаньте сопеть, Шеманский, – неожиданно сказал он. – Вы что, плохо себя чувствуете?

– Нет.

– Если вам трудно дышать, прибавьте кислорода.

Я повернул рычажок на груди. Сразу стало легче.

– Все? – спросил Максимов.

– Все. Сейчас я пройду в сектор А-три. Оттуда, наверное, связи не будет. Вы, Шеманский, ожидайте меня здесь. Слышите, Юра? Шеманский остается в диспетчерской.

– Слышу.

Арсеньев пересек зал и шагнул в темный проем. Некоторое время я еще видел отблеск его фонаря на стенах уходящего вдаль коридора.

В шлеме опять раздался голос Максимова:

– Алексей Николаевич!

– Да.

– Хорошо бы попытаться там снять векторную диаграмму вторичного излучения.

– Попробую, если...

Дальше я не расслышал. Мешал треск разрядов.

Прошло минут пять.

– Ну, как у вас дела, Шеманский? – спросила Беата.

– Стою, как соляной столб.

– Вот и умница! – В ее голосе мне почудилась насмешка.

Все это начинало меня бесить. Я приехал сюда вовсе не для того, чтобы останавливаться на полпути и служить объектом иронии какой-то девчонки.

Я сделал несколько глубоких вдохов и отправился искать Арсеньева с твердым намерением объясниться здесь же начистоту.

Пройдя по коридору несколько сот шагов, я обнаружил, что он раздваивается.

– Алексей Николаевич! – позвал я.

Никакого ответа.

Не имело смысла гадать, в каком из коридоров он мог находиться. Я свернул налево.

В красном свете неоновой лампочки индикатора электростатического поля, горевшей на моем шлеме, многочисленные двери, обитые свинцовыми листами, отливали тусклым металлическим блеском. Я попробовал открыть одну из них, она оказалась запертой.

Я пошел дальше. Мария много рассказывала мне об установке, но я никогда не предполагал, что это такое грандиозное сооружение. Настоящий подземный город.

Неожиданно впереди мелькнул голубоватый свет.

– Алексей Николаевич! – снова позвал я.

Опять нет ответа, только треск разрядов.

Сначала мне показалось, что одна из дверей усеяна сотнями маленьких лампочек. Подойдя ближе, я понял, что это светлячки, о которых рассказывала Беата. Они сидели на свинцовой обивке двери среди странных наростов, напоминавших кактусы.

Я уже не мог тратить время на то, чтобы получше их разглядеть. Прошло более двадцати минут, как я расстался с Арсеньевым. Он уже мог вернуться. Легко представить себе его ярость, когда он увидит, что меня нет на месте.

Я прошел еще немного и уже собирался повернуть назад, когда заметил яркое пятно света вдали.

Часть коридора в этом месте была разрушена. В большом проломе виднелось голубое небо. Впереди коридор был завален обломками бетона вперемешку со стальными конструкциями. Слева в стене зияло большое отверстие. Я заглянул туда. В огромном зале перед параболическим экраном стояла человеческая фигура.

«Арсеньев? Но почему он без скафандра?» В его неподвижности было что-то зловещее.

Я пролез в проем и побежал к нему. Бешено колотилось сердце от бега. Я задышался, перед глазами мелькали красные пятна. Смотровое стекло запотело от учащенного дыхания.

Я остановился, чтобы продуть шлем...

Это был не Арсеньев. Вполоборота ко мне, прижав левую руку к груди, стояла... Мария! Нет, не Мария, а ее статуя, отлитая с необычайным искусством из зеленоватого тусклого металла.

Я сделал несколько шагов вперед.

Очень медленно, как это бывает только во сне, она повернула голову и улыбнулась.

Дальше все потонуло в клочьях серого тумана, перешедшего в густой плотный мрак.

* * *

Мне очень трудно восстановить в памяти все, что было дальше.

Очевидно, я долго находился в бессознательном состоянии.

Когда я открыл глаза, то лежал на полу без шлема. Моя голова покоилась на гладких металлических коленях.

– Очнулся? – спросила Мария, кладя мне на лоб ледяную руку. – Мне пришлось снять с тебя шлем. Кончился кислород, и ты начал задышаться.

«Теперь уже все равно», – подумал я.

– Я знала, что придешь.

– Что с тобой случилось? – спросил я.

– Не знаю. Я очень плохо помню тот день. В памяти осталась только вспышка света, а потом наступила вот эта странная скованность. – Она провела рукой по моим волосам. – Ты мало изменился.

– Вот только поседел, – сказал я.

– Как я рада, что ты здесь. Ведь мне почти никого не приходится видеть.

– Разве... у тебя кто-нибудь бывает?

– Один раз приходил какой-то парень с девушкой. Они были в таких же скафандрах, как ты. Я просила их забрать меня отсюда, но они сказали, что это пока невозможно. Я очень радиоактивна. Обещали потом что-нибудь сделать. Вот теперь я и тебя погубила. Ведь ты без шлема.

– Ах, теперь все равно, – сказал я.

– Милый!

Зеленая металлическая маска склонилась над моим лицом. Я в ужасе закрыл глаза, почувствовав прикосновение холодных твердых губ.

– Милый!

Острые как бритвы ногти вонзились мне в плечо.
Дальше терпеть эту пытку не было сил.
– Пусти!!!

* * *

Я открыл глаза. Склонившись надо мной, стояла Беата.
– Ну вот! Опять расплескал все, – сказала она, стараясь разжать ложкой мне губы.
– Беата?!
– Слава богу, узнали! – засмеялась она. – А ну, немедленно принять лекарство!
– Где я?
– На базе. Ну и задали же вы нам хлопот! Арсеньев с Юрой целый час вас разыскивали в этих катакомбах. Назад тащили на руках. Ваше счастье, что были в бессознательном состоянии. Дал бы вам Алексей Николаевич перцу!
– Где меня нашли?
– У статуи.
– Значит, это правда?!
– Что именно?
– То, что... статуя... живая.
– Глупости! С чего это вы взяли?
– Но... она... шевелилась.
– Игра расстроенного воображения. Наслушались моих рассказов о светляках, и вот почудилось невесть что. Не зря Арсеньев не хотел вас туда пускать. А я-то, дура, еще за вас просила!
Я никак не мог собраться с мыслями.
– Откуда же эта статуя?
– В момент аварии ваша жена стояла перед параболическим экраном, на пути потока излучения. Очевидно, пройдя через нее, поток как-то изменил собственную структуру и выбил из поверхности экрана ее изображение, сконцентрировавшееся в фокусе параболоида. Впрочем, Юра вам расскажет об этом более подробно, я не сильна в физике.
– А что Арсеньев намерен с ней делать?
– Положить в свинцовый гроб и зарыть в землю. Она вся состоит из радиоактивных элементов. Люшин облучился, когда пытался ее исследовать.
– Скажите, – спросил я, помолчав, – Алексей Николаевич очень на меня сердится?
– Очень.
– А вы?
– Убить готова! К счастью, вас сегодня отправят в город.
Я подождал, пока за ней закрылась дверь, расстегнул на груди рубашку и поглядел на левое плечо... Там были четыре глубокие ссадины... Вероятно, я поранился, когда упал.

В атолле

Мы все стояли на берегу и смотрели на удаляющийся «Альбатрос». Он был уже так далеко от нас, что я не мог рассмотреть, есть ли на палубе люди. Потом из трубы появилось белое облачко пара, а спустя несколько секунд мы слышали протяжный вой.

– Все, – сказал папа. – Теперь мы можем сколько угодно играть в робинзонов: у нас есть настоящий необитаемый остров, хижина и даже Пятница.

Это было очень здорово придумано – назвать толстого, неповоротливого робота Пятницей. Он был совсем новый, и из каждой щели у него проступали под лучами солнца капельки масла.

– Смотри, он потеет, – сказал я.

– А ну, кто быстрее?! – крикнула мама, и мы помчались наперегонки к дому. У самого финиша я споткнулся о корень и шлепнулся на землю, и папа сказал, что это несчастный случай и бег нужно повторить, а мама спросила, больно ли я ушибся. Я ответил, что все это ерунда и что я вполне могу опять бежать, но в это время раздался звонок, и папа сказал, что это, вероятно, вызов с «Альбатроса» и состязание придется отложить.

Звонок все трещал и трещал, пока папа не включил видеофон. На экране появился капитан «Альбатроса». Он по-прежнему был в скафандре и шлеме.

– Мы уходим, – сказал он, – потому что...

– Я понимаю, – перебил его папа.

– Если вам что-нибудь понадобится...

– Да, я знаю. Счастливого плавания.

– Спасибо! Счастливо оставаться.

Папа щелкнул выключателем, и экран погас.

– Пап, – спросил я, – они навсегда ушли?

– Они вернутся за нами, – ответил он.

– Когда?

– Месяца через три.

– Так долго?

– А разве ты не рад, что мы наконец сможем побыть одни и никто нам не будет мешать?

– Конечно рад, – сказал я, и это было чистейшей правдой.

Ведь за всю свою жизнь я видел папу всего три раза, и не больше чем по месяцу. Когда он прилетал, к нам всегда приходила куча народу, и мы никуда не могли выйти без того, чтобы не собралась толпа, и папа раздавал автографы и отвечал на массу вопросов, и никогда нам не давали побыть вместе по-настоящему.

– Ну, давайте осматривать свои владения, – предложил папа.

Наша хижина состояла из четырех комнат: спальни, столовой, моей комнаты и папиного кабинета. Кроме того, там была кухня и холодильная камера. У папы в кабинете было очень много всякой аппаратуры и настоящая электронно-счетная машина, и папа сказал, что научит меня на ней считать, чтобы я мог помогать ему составлять отчет.

В моей комнате стояли кровать, стол и большущий книжный шкаф, набитый книгами до самого верха. Я хотел их посмотреть, но папа сказал, что лучше это сделать потом, когда мы осмотрим весь остров.

Во дворе была маленькая электростанция, и мы с папой попробовали запустить движок, а мама стояла рядом и все время говорила, что такие механики, как мы, обязательно что-нибудь сожгут, но мы ничего не сожгли, а только проверили зарядный ток в аккумуляторах.

Потом мы пошли посмотреть антенну, и папе не понравилось, как она повернута, и он велел Пятнице влезть наверх и развернуть диполь точно на север, но столб был металличе-

ский, и робот скользил по нему и никак не мог подняться. Тогда мы с папой нашли на электростанции канифоль и посыпали ею ладони и колени Пятницы, и он очень ловко взобрался наверх и сделал все, что нужно, а мы все стояли внизу и аплодировали.

– Пап, – спросил я, – можно, я выкупаюсь в океане?

– Нельзя, – ответил он.

– Почему?

– Это опасно.

– Для кого опасно?

– Для тебя.

– А для тебя?

– Тоже опасно.

– А если у самого берега?

– В океане купаться нельзя, – сказал он, и я подумал, что, наверное, когда папа таким тоном говорит «нельзя» там, на далеких планетах, то ни один из членов экипажа не смеет с ним спорить.

– Мы можем выкупаться в лагуне, – сказал папа.

Право, это было ничуть не хуже, чем если бы мы купались в настоящем океане, потому что эта лагуна оказалась большим озером внутри острова и вода в ней была теплая-теплая и совершенно прозрачная.

Мы все трое плавали наперегонки, а потом мы с папой ныряли на спор, кто больше соберет ракушек со дна, и я собрал больше, потому что папа собирал одной рукой, а я двумя.

Когда нам надоело собирать ракушки, мы сделали для мамы корону из веточек коралла и морских водорослей, а папа украсил ее морской звездой.

Мама была похожа в ней на настоящую королеву, и мы стали перед ней на одно колено, и она посвятила нас в рыцари.

Потом я попросил Пятницу поплавать со мной. Было очень забавно смотреть, как он подходил к воде, щелкал решающим устройством и отступал назад. А потом он вдруг отвинтил на руке палец и бросил его в воду, и, когда палец утонул, Пятница важно сказал, что роботы плавать не могут. Мы просто покатывались от хохота, такой у него был при этом самодовольный вид. Тогда я спросил у него, могут ли роботы носить на руках мальчиков, и он ответил, что могут. Я стал ему на ладони, и он поднял меня высоко над головой, к самой верхушке пальмы, и я срывал с нее кокосовые орехи и кидал вниз, а папа ловил.

Когда солнце спустилось совсем низко, мама предложила пойти к океану смотреть закат.

Солнце стало красным-красным и сплющилось у самой воды, и от него к берегу потянулась красная светящаяся полоса. Я зажмурил глаза и представил себе, что мчусь по этой полосе прямо на Солнце.

– Пап, – спросил я, – а тебе приходилось лететь прямо на Солнце?

– Приходилось, – ответил он.

– А там от него тоже тянется такая полоса?

– Нет.

– А небо там какого цвета?

– Черное, – сказал папа. – Там все другое... незнакомое и... враждебное.

– Почему? – спросил я.

– Я когда-нибудь расскажу тебе подробно, сынок, – сказал он. – А сейчас идемте ужинать.

Дома мы затеяли очень интересную игру. Мама стояла у холодильника, а мы угадывали, что у нее в руках. Конечно, каждый из нас называл свои любимые блюда, и каким-то чудом оказывалось, что мы каждый раз угадывали. Поэтому ужин у нас получился на славу.

Папа откупорил бутылку вина и сказал, что мужчинам после купания совсем не вредно пропустить по рюмочке. Он налил мне и себе по полной рюмке, а маме – немножко. «Только чтобы чокнуться», – сказала она.

После ужина мы смотрели по телевизору концерт, и диктор перед началом сказал, что этот концерт посвящается нам. Мама даже покраснела от удовольствия, потому что она очень гордится тем, что у нас такой знаменитый папа.

Передавали самые лучшие песни, а одна певица даже пропела мою любимую песенку о белочке, собирающей орешки. Просто удивительно, как они об этом узнали.

Когда кончился концерт, папа сказал, что ему нужно садиться писать отчет, а я отправился спать. Я уже лежал в постели, когда мама пришла пожелать мне спокойной ночи.

– Мам, посиди со мной, – попросил я.

– С удовольствием, милый, – сказала она и села на кровать.

В открытое окно светила луна, и было светло совсем как днем. Я смотрел на мамино лицо и думал, какая она красивая и молодая. Я поцеловал ее руку, пахнущую чем-то очень приятным и грустным.

– Мама, – спросил я, – почему это запахи бывают грустные и веселые?

– Не знаю, милый, – ответила она, – мне никогда не приходилось об этом думать. Может быть, просто каждый запах вызывает у нас какие-то воспоминания, грустные или веселые.

– Может быть, – сказал я.

Мне было очень хорошо. Я вспоминал проведенный день, самый лучший день в моей жизни, и думал, что впереди еще восемьдесят девять таких дней.

– Ох, мама, – сказал я, – какая замечательная штука жизнь и как не хочется умирать!

– Что ты, чижик? – сказала она. – Тебе ли говорить о смерти? У тебя впереди огромная жизнь.

Мне было ее очень жалко: еще на «Альбатросе» ночью я слышал, как они с папой говорили об этой ужасной болезни, которой папа заразился в космосе, и о том, что всем нам осталось жить не больше трех месяцев, если за это время не найдут способа ее лечить. Ведь поэтому экипаж «Альбатроса» был одет в скафандры, а мы никуда не выходили из каюты. И в океане, вероятно, нам нельзя купаться, потому что эта болезнь такая заразная.

И все же я подумал, что, когда люди так любят друг друга, нужно всегда говорить только правду.

– Не надо, мамочка, дорогая, – сказал я. – Ведь даже если не найдут способа лечить эту болезнь...

– Найдут, – тихо сказала мама. – Обязательно найдут. Можешь быть в этом совершенно уверен.

Курсант Плошкин

Капитан Чигин взглянул на старинный морской хронометр, висевший на стене рядом с электронными часами. Кажется, пора!

Он подошел к двери и повернул на два оборота ключ. Так спокойней. Затем из левого ящика стола были извлечены спиртовка, два маленьких серебряных чайника и две коробки, украшенные изображениями драконов.

Конечно, открытый огонь на космолете – нарушение правил, но чай – это чай, и ни один истинный ценитель не будет пользоваться для его приготовления какими-то дурацкими плитками на медленных нейтронах. Что ж, капитан Чигин может позволить себе эту вольность. Пятьдесят лет службы в космосе тоже дают какие-то права. Космический устав – прекрасная вещь, на космолете должна быть железная дисциплина, иначе это будет не корабль, а кабак, но нельзя же подходить с одной меркой к желторотому курсанту и старому космическому волку Чигину. Сначала прослужите столько, сколько капитан Чигин, а потом и права вам дадут особые. Вот так-с.

Чай тоже нужно уметь готовить. Это вам не какая-нибудь бурда, которой потчуют на космодромах, а напиток высшего класса, эликсир бодрости.

Сначала нужно ополоснуть чайник водой и поставить его на огонь. Когда из носика пойдет легкий парок, засыпать первую порцию чая и поставить чайник на батарею. Пусть постоит минут десять. Тем временем вскипит вода во втором чайнике. Только не забудьте положить в холодную воду немного зеленого листа. Что, никогда не слышали? Ну это оттого, что вы, батенька, не знаете, что такое настоящий чай. Именно зеленый лист. От него все качества. Попробуйте, и ничего другого пить не захотите. Теперь вылейте зеленый навар в первый чайник и снова – на огонь. Только сейчас уж следите, чтобы не закипел, а то все пропало. Отлично! Можно снимать и покрыть колпаком. Минут пять – и чай готов. Пить его нужно из маленькой фарфоровой чашки. Сахар? Ну кто же пьет настоящий чай с сахаром?! В крайнем случае – чуть-чуть соли.

Капитан вдохнул волшебный аромат, отпил маленький глоток и медленно проглотил, блаженно зажмурясь.

Отставив чашку, он достал из стола кожаную папку, посплюнул похожий на сосиску палец и бережно перелистал сшитые вместе пожелтевшие от времени страницы.

Ага, вот!

«Я, капитан парохода „Жулан“, вследствие скудного питания и неполного штата кочегаров вынужден прекратить рейс, распустить команду и передать пароход местным властям.

В настоящее время нахожусь в городе Коломбо, что на острове Цейлон, и с первым пароходом нашей компании вернусь в пределы Российской империи, что явствует из изложенного».

Капитан слегка откинулся назад в кресле, чтобы полюбоваться ровными строчками рондо.

– «Что явствует из изложенного»! – со вкусом повторил он, поднося чашку ко рту. – Стиль-то какой! «Явствует из изложенного»!

Рука капитана потянулась к чайнику, но в этот момент кто-то осторожно постучал в дверь. Капитан поморщился, сунул спиртовку обратно в ящик, подошел к двери и повернул ключ.

– Можно к вам, мастер? – В дверях стоял старший помощник.

Чигин довольно ухмыльнулся. Обращение «мастер», как и звание «капитан», было заимствовано им из старинных книг и отлично прижилось. Попробуйте найдите хоть еще

одного космонавта, к которому обращаются подобным образом! «Капитан» – это для посторонних. Ближайшим помощникам разрешается маленькая фамильярность. «Мастер»... право, неплохо звучит!

– Входите, чиф. Может быть, чашечку чаю?

Старпом вздохнул. Он терпеть не мог любимый напиток капитана, но отказаться – значило смертельно обидеть старика.

– Спасибо, с удовольствием!

Чигин достал из шкафчика вторую чашку.

– Какие новости?

– Радиограмма с подкидыша. Идет к нам с курсантами. Двенадцать человек.

– Какой курс?

– Все первокурсники. Двенадцать козерогов.

– Примите к правому борту.

– Есть!

– Что еще?

– На подкидыше – доктор. Радирует, что все в порядке, медикаменты получены.

– Так.

Капитан задумался. Опять первый курс. Щенки. На перегрузках будут лежать трупами, потом, в невесомости, заблюют весь корабль. Пробный рейс, так называемое «окосмичивание кадров». Капитан терпеть не мог этого выражения. Окосмичивание! Чушь это, а не окосмичивание! Подумаешь, старт с постоянной орбиты, удлиненный эллипс вокруг Марса и возвращение на орбиту. Дать бы им настоящий взлет и еще посадочку на Венере, вот тогда бы узнали, что такое «окосмичивание». Половина бы подала заявление об отчислении из училища. Но что поделаешь, если планетолет «Альдебаран» уже давно переведен в класс 4-Е без права посадки на планеты. Еще года два его будут использовать в качестве учебной базы, а затем...

– Спасибо, мастер, чай у вас действительно великолепный.

– Подождите.

Старший помощник снова сел.

– Вот что, – капитан расстегнул воротник кителя, – вы уж займитесь сами с курсантами. Главное, чтобы они сразу включились в работу. Ничто так не разлагает молодежь, как безделье. Никаких поблажек на всякие там недомогания и прочее. Железная дисциплина и работа излечивают все хворобы.

– Будем разбивать на вахты?

– Обязательно. По четыре человека. Из каждой вахты двоих – боцману. Пусть с ними не миндальничает.

– А остальных?

– В штурманской рубке и в машине. По очереди, каждые сутки. Во вторую половину рейса произведете перемену без выходных.

– Чепуха все это, – сказал старший помощник, – все равно курорт.

– Вот вы и позаботьтесь, чтобы не было курорта, погоняйте как следует.

– Автоматика, тут особенно не погоняешь, времена не те.

– Не те, – согласился капитан. – Вот спросите у этих козерогов, чего их понесло в училище, и они вам непременно наплетут про романтику космоса, а какая теперь романтика? Вот раньше...

– В наше время, – кивнул старший помощник.

Капитан хлопнул рукой по столу:

– Да я не о том! Вот, скажем, мой прадед, он был капитаном парохода.

– Чего?

- Парохода. Плавал по морям.
- Зачем? – Лицо помощника выражало полное недоумение.
- Ну, перевозили разные грузы.
- Странно. Кому могло прийти в голову таскать грузы морем, среди всех этих нефтяных

вышек?

Капитан пожал плечами:

- Вероятно, их тогда было меньше.
- Все равно анахронизм.
- Романтика, – задумчиво сказал капитан. – Тогда люди были другие. Вот послушайте. Он открыл папку.

«Названный Сергей Малков, списанный мною, капитаном парохода „Жулан“, в Кардиффский морской госпиталь, направляется в пределы Российской империи, удовлетворенный денежным довольствием по день прибытия, что подтверждается подлинной подписью моей руки и приложением Большой Гербовой Печати Российского Генерального Консульства в городе Лондоне».

– Н-да, – сказал помощник.

– Это мой прадед, капитан парохода «Жулан», – самодовольно сказал Чигин. – Папка и хронометр – наши семейные реликвии.

– Плавал по морю! – хмыкнул помощник. – Что ни говорите, анахронизм!

Капитан нахмурился:

– Ничего вы не смыслите, чиф. Это вам не космолетом командовать. Тут кое-что еще требовалось. Отвага, мастерство. А парусный флот? Какие люди там были?! «Травить правый бом-брам-брас!» Как это вам нравится?!

– А что это значит?

– Ну, команда такая, – неуверенно сказал капитан.

– Не понимаю я этого, – развел руками помощник, – не понимаю, и все тут! Что за бом-брам?

– Я теперь тоже многого не понимаю. Раньше вот так все знал, – выставил капитан растопыренную пятерню, – а теперь, извините, не понимаю. В позапрошлом году направили на двухмесячные курсы изучать эти новые звездолеты. Лекции читал такой, лопоухий. Прослушал я первую и спрашиваю: «А почему он у вас все-таки летит?» – «Вот же, – говорит, – формула». А я и говорю: «На формулах, молодой человек, летать не привык. На всем, – говорю, – летал: и на ионолетах, и на аннигиляционных, а вот на формулах не приходилось».

– Так он не летит, – ухмыльнулся помощник, – это пространство свертывается.

Красная шея капитана приобрела малиновый оттенок – признак, предвещавший начало шторма.

– Глупости! – сказал он, вставая с кресла. – Пространство – это миф, пустота, и сложить его невозможно. Это все равно что сожрать дырку от бублика, а бублик оставить. Нет уж, вы мне подавайте такой корабль, чтобы и старт и посадки – все было, а от формул увольте, благодарю покорно!

– Разрешите идти? – благоразумно спросил помощник.

– Идите, а я отдохну немного.

Капитан сполоснул под краном оба чайника, убрал коробочки с чаем и, взглянув на хронометр, откинул полог койки.

* * *

Баркентина под всеми парусами шла бакштаг, ловко лавируя среди нефтяных вышек.

Соленые брызги обдавали загорелое лицо капитана Чигина, наблюдавшего в подзорную трубу приближающийся берег.

Ветер крепчал.

– Убрать фок-марсель и грот-стаксель! – скомандовал капитан.

– Есть убрать фок-марсель и грот-стаксель! – Проворные курсанты рассыпались по реям.

– Прямо к носу – коралловый риф! – крикнул впередсмотрящий.

Капитан взглянул вперед. Белые валы прибоя яростно бились о предательский риф, до которого оставалось не более двух кабельтовых. Решение нужно было принимать немедленно.

– Свистать всех наверх!

– Есть свистать всех наверх! – козырнул боцман.

– Рубить ванты, рубить топенанты, мачты за борт!

Подвахтенные с топорами кинулись к такелажу.

– Капитан, тонем! – крикнул молодой курсант, указывая на приближающийся вал, покрытый белой пеной.

– Черт побери, поздно! – Капитан окинул последним взглядом баркентину. Отличное судно, но разве может оно противостоять мощи прибоя?! – Прощайте, братцы! Благодарю за отличную службу!

Удар! Треск ломающейся обшивки, крики тонущих курсантов, рев прибоя.

Огромный вал захлестывает с головой, переворачивает, слепит, душит. Больше нет сил!

Капитан опускается на дно. Но что это? Звуки фанфар, грохот барабанов, дикие крики.

К нему плывет толпа голых зеленых людей.

– Ага, попался индюк! – орет плывущий впереди старик с длинной зеленой бородой.

«Откуда они знают мое прозвище?» – думает Чигин.

– Попался, попался! – орут зеленомордые. – Напиши формулу свернутого пространства – и станешь у нас вождем. Не напишешь – смерть!

– Смерть индюку!

* * *

– Фу, дьявол! – Капитан поднял голову с подушки. – Ведь приснится же такое!

Он перевернулся на спину, пытаясь понять, откуда идет этот шум.

Внезапная догадка заставила его вскочить с койки.

«Курсантский кубрик! Ну ладно, голубчики, сейчас получите космическое крещение!»

Капитан спустился в курсантский отсек и застыл в дверях.

Великий Ти-Ка-Ту, что там творилось! Пиршество было в самом разгаре. Весь запас продовольствия, выданный сердобольными мамашами бедным деткам на долгий космический рейс, уничтожался ими с непостижимой скоростью. Завтра эти детки будут лежать на койках, держась за животики, и ни один не выйдет на вахту. А сейчас – горящие, возбужденные лица, рты, перемазанные вареньем, оружие под аккомпанемент электронной гармошки разухабистую песню, ту самую идиотскую песню о бравых парнях в космосе, которую так ненавидел капитан Чигин.

Капитанские ноздри подозрительно втянули воздух. Нет, до этого еще, кажется, не дошло, но все же...

Так закончим этот рейс мы,
И в заоблачном порту
Нас погладит по головке

Всемогущий Ти-Ка-Ту.
И в награду за страдания
Даст нам сыр и колбасу,
Сказку нам расскажет няня
С третьим глазом на носу, –

самозабвенно вопил веснушчатый юнец, свесив ноги с койки.
Гнев капитана медленно зрел, как плод под лучами осеннего солнца.

Сладок запах женской кожи,
А под кожей – труха,
Нас они целуют, что же,
Пусть целуют, ха-ха-ха!

Это уже было больше, чем мог выдержать даже командир учебного космолета.
– Отставить!!!
Шум мгновенно стих.
– Братцы, индюк! – произнес чей-то голос сверху.
Капитан сжал кулаки. Опять это прозвище, будь оно проклято! Откуда они только узнают?!

– Старшина, ко мне!
Вперед выступил тощий парнишка.
– Ты старшина?
– Я.
– Так вот что, голубчик, – с обманчивой мягкостью сказал капитан, – во-первых, когда в кубрик входит капитан, ты обязан подать команду «Смирно!». Понял?
– Понял.
– А ну, подай.
– Смирно! – пискнул парнишка.
Капитан поморщился:
– Не так, громче!
– Смирно!!
– Не так.
– Смирно!!!
Чигин оглядел вытянувшихся в струнку курсантов:
– Вольно!
– Вольно! – неожиданным басом крикнул старшина. Кто-то прыснул от смеха.
– Это во-первых, – повторил капитан. – Во-вторых, на койках в кубриках не сидеть, для этого есть банки.
– Что есть? – переспросил голос сверху.
– Банки.
– А что это такое?
– Так называются на корабле скамейки.
– А...
– В-третьих, все продукты сдать на камбуз. Тут няnek нет, клистиры вам ставить некому.

Капитан мог поклясться, что ясно слышал, как кто-то у него за спиной произнес слово «дубина». Он резко повернулся, но в дверях никого не было. Очевидно, он просто ослышался.

– Гармошку сдадите старпому.

Тихий ропот пронесся по кубрику.

– Простите, капитан, – робко сказал старшина, – нельзя ли...

– Нельзя! – оборвал его Чигин. – Не положено. Вернетесь на Землю, получите свою гармошку, а здесь вы будете работать. Понятно?

– Понятно, – произнес чей-то голос. – Все понятно!

– Вот и отлично! Запомните, что безделья на корабле я не потерплю.

Капитан оглядел хмурые мальчишеские лица и повернулся к двери.

– Смирно! – крикнул старшина.

– Вольно!

Вот так всегда. Немного твердости с самого начала – и эти козероги становятся шелковыми. Нет, что ни говори, а командование учебным кораблем не зря доверили старине Чигину. Тут прежде всего нужна опытная рука. Это вам не формулы писать, судари мои!

Взявшись за поручни, капитан поглядел через плечо. Курсанты складывали продукты в большой чемодан.

В тот самый момент, когда правая нога владыки «Альдебарана» твердо встала на первую ступеньку трапа, на его голову обрушился сокрушительный удар. Спрыгнувшая сверху фигура попыталась было прошмыгнуть между ногами капитана, но тут же была схвачена за шиворот.

– Кто таков? Фамилия?! – рявкнул Чигин.

– Курсант Плошкин. – Серые глаза с черными загнутыми ресницами насмешливо глядели на капитана. Честное слово, этот голос Чигин уже где-то слышал. Ага! «Братцы, индюк!» Так вон оно что!

– Плошкин, говоришь?!

– Плошкин.

О благословенные времена парусного флота! Десять линьков были бы здесь как нельзя более кстати. Нет, десять линьков и сутки в канатном ящике. Вот это то, что нужно!

– Значит, Плошкин? – Мощная длань капитана подняла за воротник тщедушное тельце.

– Плошкин.

– Так вот что, Плошкин. Найдешь боцмана и скажешь, что капитан дал тебе пять нарядов вне очереди.

– Только и всего?

– Это для начала, – наставительно сказал капитан, опуская его на пол. – Только для начала. А вообще тебе, Плошкин, много-много нарядов предстоит получить, но впоследствии, а сейчас иди действуй!

Получив на прощанье отеческий подзатыльник, Плошкин юркнул в кубрик.

«Фу, ну и денек!» Капитан вытер клетчатый платком потную шею и направился вниз, в машинный отсек.

Трое механиков колдовали около генератора гравитационного поля. По выражению их лиц Чигин понял, что и здесь ничего хорошего ждать не приходится. Пожевывая губами, он молча наблюдал, как они прозванивают изоляцию.

– Прохудились обмотки, – сказал стармех, заметив капитана, – придется менять в невесомости.

– Четыре часа, – сказал Чигин, – четыре часа невесомости по программе, успеете сменить.

– Не успеем, – сказал второй, – никак не успеем, дня на два работы.

Капитан было уже открыл рот, чтобы напомнить, что за двадцать суток вынужденного безделья на постоянной орбите все уже можно было сделать, но, передумав, махнул рукой

и направился к лифту. Он хорошо знал бесцельность всяких споров с механиками. У них всегда найдется какое-нибудь оправдание.

– Подъемник не работает, – сказал старший.

– Почему?

Тот пожал плечами:

– Вы же знаете, что по второму вспомогательному реактору кончился срок инспекторского осмотра.

– А почему вы не пригласили инспектора?

– Приглашал, да он сказал, что ради такого старья не стоит тратить время. «Вас, – говорит, – давно уже на прикол пора ставить».

– На прикол! – возмущенно фыркнул капитан. – Не этому мальчишке решать, кого на прикол ставить! Вот вернемся из рейса, пойду в Главную инспекцию.

– У нас через месяц кончаются документы по двигателям, – добавил старший. – Тут уж без капитального ремонта никак не обойтись. В прошлом году...

– Ладно, не хуже вас знаю, что нужно!

Он уже был наверху, когда услышал соболезнующий голос старшего механика:

– Совсем расстроился наш индюк.

– Тоже давно на прикол пора, – заметил второй.

Это было последней каплей, переполнившей чашу терпения.

Увы, доблестный потомок капитана парохода «Жулан» в официальных документах назывался заведующим самоходной учебной космической базой, весь штат которой, помимо него самого, состоял из одного помощника, врача, трех мотористов, самовольно возведенных в ранг механиков, и одного подсобного рабочего, попеременно именуемого то боцманом, то коком, в зависимости от того, убирал ли он в тот момент помещения или вскрывал консервные банки для кают-компаний.

На этого двуликого Януса и обрушилась вся мощь капитанского гнева.

– Кабак! – заорал он, топнув ногой. – Форменный кабак! Поручни не чищены с прошлого рейса! В курсантском кубрике – свиарник! Немедленно взять наряд курсантов, и чтобы через два часа все сверкало, как на пароходе! Ясно?

Ошеломленный кок поставил на пол мешок с блинной мукой и немедленно превратился в бравого боцмана.

– Есть взять наряд курсантов!

Нет, что ни говори, а дисциплинку капитан Чигин поддерживать умел!

– Вот так, – добавил он уже спокойным тоном, – берите их, голубчик, в работу, чтобы ни одного дня безделья. Кстати, там есть такой курсант Плошкин. Сегодня я ему вкатил пять нарядов, как раз хватит на поручни.

* * *

– Водитель подкидыша спрашивает, нет ли поручений на Землю, – сказал старпом, – он собирается отчаливать.

– Пусть отправляется. Впрочем... – Капитан почесал затылок. – Задержите его еще на час.

– Зачем?

– Так, – неопределенно буркнул Чигин, – может, понадобится. А сейчас попросите зайти ко мне доктора.

Через несколько минут в каюту капитана вошел врач. В руке у него была пачка перфокарт.

– Вы меня вызывали?

– Да, голубчик, как у вас дела?

– Все в порядке. Медикаменты получены, санитарные карты проверены.

Чигин бросил неодобрительный взгляд на перфокарты. Он мало доверял всей этой машинной диагностике.

– Гм... Вот что я вас попрошу: осмотрите-ка вы их сами. Чтоб не было как в прошлый раз: у одного болит животик, у другого коклюш, третьему прыщик под мышкой мешает работать. Мне тут пассажиры не нужны. Осмотрите и при малейшем подозрении – обратно на Землю.

– Да, но...

– Вот именно, осмотрите, – веско сказал Чигин, – такое распоряжение.

– Хорошо. – Врач пожал плечами и вышел.

Капитан кряхтя расшнуровал ботинки. Да, черт побери! В конце концов, вы можете сколько угодно тренировать свое тело, закалять волю, но все равно кто-то невидимый внутри вас с мерзкой дотошностью ведет счет каждому прожитому дню, и к семидесяти годам нет-нет да и напомним, сколько лет, часов и минут числится на вашем балансе. Вот как обстоят дела, судари мои, и нечего вам обижаться на старика, если он для пользы дела и смажет иногда легонько по затылку какого-нибудь сопливого лентяя или разнесет нерадивого боцмана. Порядок должен быть на корабле, без порядка это не корабль, а детский сад – вот что такое корабль без дисциплины, если вы хотите знать. Ведь раньше, на парусном флоте... Чигин протянул руку, взял с полки потрепанный томик в коленкоровом переплете и перенесся в таинственный мир портовых таверн, кладов, морских штормов и абордажных боев с пиратами – неотразимый чарующий мир, по которому так тосковала уставшая от серых космических будней душа капитана.

Тем временем водитель подкидыша, прождав условленный час и распив со старпомом традиционный графинчик разбавленного спирта, отправился в обратный путь, пожелав представителю командования «Альдебарана» счастливого рейса.

* * *

Было три часа сорок пять минут земного времени, когда старпом возвратил капитана Чигина из царства фантастики и приключений к печальной действительности.

– Пятнадцать минут до отлета, мастер.

Капитан вздохнул, захлопнул книгу и направился в рубку.

«Свистать всех наверх!» – мысленно произнес он, нажимая на кнопку аврального сигнала.

Через несколько минут на пульте вспыхнула зеленая лампа: машинный отсек сообщал о готовности двигателей к запуску.

«По местам стоять, с якоря сниматься!» Чигин ввел данные для полета в счетную машину и, подождав сигнала киберштурмана о решении задачи, взял микрофон:

– Космос-три, космос-три, я «Альдебаран», прошу выйти на связь, как меня слышите? Прием!

Тишина, только треск разрядов в динамике. На экране видеофона никого нет.

– Космос-три, космос-три, я «Альдебаран», прием!

Опять безрезультатно.

– Космос-три, космос-три! – Чигин постучал кулаком по черному ящику. – Космос-три! Фу, дьявол! Сколько раз просил дать сюда радиста, разве с этой рухлядью... Космос-три!!! – От раскатов капитанского голоса замигали лампочки на пульте. – Космос-три, я «Альдебаран», какого черта вы не отвечаете?! Космос-три!!!

На экране внезапно появилась ухмыляющаяся рожа диспетчера.

– Простите, капитан, но тут радист с транссолярного выдал такой анекдот! Какой-то тип...

Изображение исчезло, и голубая поверхность экрана заструилась черными молниями. Где-то поблизости один из новых звездолетов свертывал пространство.

– Космос-три! – Капитан безнадежно махнул рукой. Нужно было ждать, пока это чертово пространство не начнет пропускать радиосигналы.

– Правда здорово?! – Изображение диспетчера снова скалило зубы на экране.

– Да... – неуверенно сказал Чигин.

– Что у вас, капитан?

– Прошу отход.

– Документы в порядке?

– В порядке.

– Валяйте! Только, пожалуйста, не газуйте на старте. Вы мне прошлый раз всю обшивку загадили.

– Три «же», – сказал Чигин. – По учебной программе перегрузка три «же». Они еще совсем желторотые, эти козероги, первый курс.

– Вот отваливайте отсюда потихоньку на полмиллиона километров и давайте там вашим козерогам хоть по десять «же». А мне обшивку чистить некому, практикантов нет.

– Ладно, – сказал Чигин, – ничего вашей обшивке не будет, у меня уже задача в киберштурмане. Пока!

– Счастливого эфира!

«Отдать кормовой! Отдать носовой! Шпринтов отдать! Малый вперед!» Капитан нажал стартовую кнопку и поглядел на часы.

Больше в рубке было нечего делать до самого возвращения. Теперь нужно пойти и лечь, пока «Альдебаран» набирает скорость. Грузное тело капитана было весьма чувствительно к перегрузкам – факт, который он тщательно скрывал от членов экипажа.

* * *

– Индюк у себя? – спросил доктор.

Старпом приложил палец ко рту:

– У себя, но лучше не входите. Начнет пичкать своим пойлом.

Доктор поморщился. Одна мысль о капитанском чае вызывала непроизвольные сокращения пищевода. И все же... нет, пожалуй, откладывать нельзя. Он нерешительно взялся за ручку двери.

– Что-нибудь случилось? – спросил старпом.

– Да вот старику взбрело в голову устроить поголовный медосмотр, дернула меня нелегкая выполнить эту блажь!

Лицо помощника приняло озабоченное выражение.

– Инфекция?

– Хуже! – Махнув рукой, доктор открыл дверь каюты. – Разрешите, мастер?

– Заходите. Может быть, чашечку чаю?

– Спасибо, я по делу.

Капитан нахмурился. Отказаться от чая, собственноручно приготовленного капитаном Чигиным, – это уже, знаете ли...

– Слушаю, – сухо сказал он.

– Дело в том... – Доктор замялся. – Дело в том, что курсант Плошкин отказался проходить медосмотр.

«Ага, опять Плошкин!» Глаза капитана загорелись хищным блеском.

- Почему же он отказался?
- Он говорит, что он... что она – девушка.
- Кто девушка?
- Курсант Плошкин.

Несколько минут капитан молча смотрел на доктора, пытаясь представить себе курсанта Плошкина в шелковом платье с розой в волосах. Такими, в его воспоминаниях, всегда были девушки. Что-то тут не так! Бритая башка!

– Глупости, – хмыкнул Чигин. – Такого не может быть. В училище девушек не принимают.

– Так она же не курсант. Это ее брат – курсант Плошкин. Он перед вылетом заболел и остался на Земле.

– Как же он здесь? – Капитан решительно не мог ничего понять. – Раз остался на Земле, значит не может быть здесь. Что он тут – святым духом появился?

– Он остался на Земле, а его сестра – Инесса Плошкина – под видом курсанта Плошкина здесь, на корабле.

– Что?!! – Внезапно капитана осенило. Эти насмешливые серые глаза с черными загнутыми ресницами... – Курсанта Плошкина в кают-компанию!!! – рявкнул Чигин, хватив что было силы кулаком по столу...

* * *

«...Врачу учебного космолета „Альдебаран“ за проявленную халатность, выразившуюся в несвоевременном выполнении приказа капитана, объявить строгий выговор с предупреждением, что явствует из изложенного. Капитан Чигин».

– «Что явствует из изложенного»! – повторил вслух капитан и взял из пачки новый лист бумаги.

«Названная Инесса Плошкина, списанная мною, капитаном космолета „Альдебаран“, направляется...»

Капитан задумался и сунул в рот карандаш. Легко сказать, направляется! Подкидывш сюда не долетит. Сдать на встречный космолет? Черта с два тут, на учебной трассе, кто-нибудь появится. Повернуть назад – значит сорвать рейс и стать объектом анекдотов, рассказываемых во всех космопортах: «А слышали, наш индюк какую штуку выкинул?!» Нет, что делать с Инессой Плошкиной, вовсе не явствовало из изложенного. Оставить на корабле с курсантами? Невозможно! «Пусть целуют, ха-ха-ха!» Капитан подумал о своей внучке. Меньше всего он хотел бы ее видеть в курсантском кубрике. Прохвосты все, первостатейнейшие прохвосты! «Сладок запах женской кожи». Погодите, узнаете еще у капитана Чигина, что чем пахнет!

Капитан обхватил голову руками: «Вот положеньице!»

Из кают-компания в полуотворенную дверь доносились сдержанные рыдания.

Чигин чертыхнулся и вскочил с кресла:

– Собирай вещи!

Рыдания стали громче.

– Собирай вещи, переселяйся в мою каюту!

– А вы?

В широко открытых, еще влажных от слез серых глазах было столько кротости и покорности судьбе, что капитану стало неловко.

«Нехорошо, нельзя было так на нее орать, все-таки девушка».

– Я буду спать у старпома на диване, – буркнул он, глядя себе под ноги, – а ты... а вы располагайтесь. Сейчас боцман вам постелит здесь.

* * *

Инесса плохо переносила невесомость, и капитан Чигин метал громы на головы механиков, безбожно затянувших смену гравитационных катушек. Он сам, не доверяя боцману, прибирал за ней каюту и отпаивал во время приступов тошноты крепким чаем.

Даже ее просьба «не заваривать эти мерзкие зеленые листья» – неслыханная дерзость, могущая стоить иному смельчаку жизни, – была воспринята им с добродушной усмешкой.

– Вы знаете, – сказал он однажды старпому, – очень милая девушка. Такая тихая и скромная. Она рассказала мне свою историю. Отец и мать погибли во время автомобильной катастрофы. Круглая сирота, живет с братом.

– Скромная! – фыркнул старпом. – Скромная, а какую штуку выкинула!

Капитан нахмурился:

– Ничего вы не понимаете, чиф. Девочку влечет романтика. Покорение далеких планет и все такое. Ведь, кроме космоса, о чем теперь мечтать молодежи? А она Стивенсона любит.

– Кого любит?

– Стивенсона.

– Тоже курсант?

– Стивенсон – великий писатель древности, писал морские повести.

– Анахронизм, – сказал старпом, – анахронизм ваши морские повести. Вы лучше скажите, что с этой Плошкиной делать. Невесомость кончилась, будем на вахту назначать?

– На вахту? – Капитан поскреб пятерней затылок. – Нет, зачем же на вахту? Ведь она – пассажирка.

Прошло несколько дней, и Инесса полностью освоилась на космолете. В ее распоряжении была вся капитанская библиотека, и на полу каюты валялись прочитанные книги вперемежку с обертками конфет, поглощаемых ею с не меньшим пылом, чем морские романы.

В кают-компании тоже безраздельно царила Инесса.

Капитан Чигин собственноручно накладывал ей в тарелку самые аппетитные куски и первый после окончания трапезы галантно подходил поцеловать тонкие пальчики, произнося при этом неизменную фразу:

– Поблагодарим нашу милую хозяйшку.

Но самым удивительным было то, что доктор, всю жизнь ненавидевший шахматы, часами просиживал с пассажиркой за доской, испытывая необъяснимое удовольствие от каждой проигранной партии.

Между тем в романтической душе капитана бушевал девятибалльный шторм. Рейс подходил к концу, и мысль о том, что «Альдебаран» скоро лишится своей хозяйки, заставляла капитана строить самые фантастические планы.

Наконец он принял решение.

Да, черт побери, почему бы старине Чигину не удочерить эту славную девчушку?! Все равно родителей у нее нет, а на «Альдебаране» до зарезу нужен радист. Каких-нибудь два-три месяца, пока она кончит ускоренные курсы, а уж штатной должности радистки капитан Чигин добьется, можете быть на этот счет совершенно спокойны, судари мои!

Все же жизнь – очень сложная штука, и человек никогда не знает, какой фортель она неожиданно может выкинуть.

На этот раз Великая Мистификаторша предстала перед капитаном Чигиным в образе врача «Альдебарана».

Капитан сразу почувствовал неладное, увидев его смущенное лицо.

– Скажите, мастер, – спросил доктор, теребя край скатерти, – Космический устав разрешает капитану космолета производить бракосочетание?

На мгновение в воображении Чигина мелькнула заманчивая картина: по левому борту – строй курсантов в парадной форме, по правую – экипаж, Инесса в подвенечном платье с белой фатой и доктор в строгом черном костюме. А в центре он, правнук капитана парохода «Жулан», главное лицо этого великолепного церемониала.

Но это было только мгновение. Сотни дьяволов, вооруженных раскаленными вилами, принялись терзать капитанское сердце. Инесса! Лишиться этой девочки, когда уже все было продумано и решено! Отдать свою дочь этому прохвосту?! Ну нет! До капитана не раз доходили слухи о земных подвигах эскулапа. Дудки! Как-никак, а капитан Чигин тоже кое-что да значит!

– Вы думаете, – холодно спросил он, – что Инесса?..

– Думаю, что она не будет возражать, – скромно потупился доктор.

Капитан засопел. Дело обстояло хуже, чем он предполагал.

– Девочке еще рано замуж, – сказал он, рассматривая свой волосатый кулак. – Что же касается бракосочетания, то я не вижу никакой возможности. Решительно никакой, – повторил он, открывая кожаную папку и тем самым давая понять, что разговор окончен.

* * *

Такие вещи на учебной трассе случаются очень редко.

Заблудившийся в мировом пространстве астероид должен был пересечь траекторию «Альдебарана». Сейчас трудно сказать, почему старенькое решающее устройство космолета трижды повторило все расчеты, прежде чем выдать команду кибернетическому штурману. Важно то, что, когда эта команда была получена, астероид уже находился в угрожающей близости. Катастрофа была предотвращена включением маневрового двигателя правого борта на полную мощность.

Это произошло перед обедом.

Дальше все развивалось по вечным и непреложным законам механики.

Десять технических единиц массы капитанского тела, влекомые заложенной в них инерцией, преодолели расстояние в пять метров и обрушились на хрупкое тело пассажирки, прижатой к переборке.

Прежде чем кто-либо успел сообразить, что произошло, двигатель уже был выключен, и единственным свидетельством случившегося была распростертая на полу фигурка.

– Доктора! – рявкнул капитан, подхватив Инессу на руки. – Доктора!

Еще не успели смолкнуть раскаты капитанского голоса, как в дверях появился врач.

– Жива! – сказал он, сжимая пальцами тоненькое запястье с синими прожилками. – Кажется, ничего страшного, принесите мне из каюты аптечку.

Капитан бегом бросился выполнять распоряжение своего подчиненного.

– Теперь, – сказал доктор, раскрыв ящик с медикаментами, – прошу посторонних выйти.

«Посторонних!» Капитан вздохнул и безропотно закрыл за собой дверь.

Да, капитан Чигин прожил большую и трудную жизнь, но, право, эти десять минут ожидания были самыми тяжелыми за все долгие семьдесят лет.

– Ну что?!

Вид доктора не предвещал ничего хорошего. Расстегнутый воротник, спутанные волосы, на лбу крупные капли пота. Он сел на стул и устало махнул рукой.

– Говорите, что с ней!

– Капитан! – Доктор выпил прямо из горлышка полграфина воды. – Капитан, она не девушка!

– Что?! – Казалось, еще немного, и глаза капитана, покинув предназначенное им природой место, бросятся вперед, чтобы испепелить все на своем пути.

– Ушиб позвоночника, мне пришлось накладывать компресс. Она – самый обыкновенный парень и сукин сын, каких мало! Он мне сам во всем признался. Держал пари с курсантами, что проделает весь рейс в капитанской каюте, ничего не делая. И сестры у него нет, и никакой он не сирота, папаша у него какая-то шишка в Управлении. Ну и дали же мы с вами маху, капитан!!!

Всякий, кто видел бы в этот момент капитана Чигина, понял бы, откуда взялось это меткое прозвище «индюк». За несколько минут щеки капитана попеременно принимали все цвета спектра: от красного до фиолетового, и когда он наконец открыл рот... Впрочем, не стоит повторять все, что произнес капитан Чигин, когда открыл рот. Ведь времена парусного флота давно прошли.

Старики

Семако сложил бумаги в папку.

– Все? – спросил Голиков.

– Еще один вопрос, Николай Петрович. Задание Комитета по астронавтике в этом месяце мы не вытянем.

– Почему?

– Не успеем.

– Нужно успеть. План должен быть выполнен любой ценой. В крайнем случае я вам подкину одного программиста.

– Дело не в программисте. Я давно просил вас дать еще одну машину.

– А я давно вас просил выбросить «Смерч». Ведь эта рухлядь числится у нас на балансе. Поймите, что там мало разбираются в тонкостях. Есть машина – и ладно. Мне уже второй раз срезают заявки. «Смерч»! Тоже название придумали!

– Вы забываете, что...

– Ничего я не забываю, – перебил Голиков. – Все эти дурацкие попытки моделировать мозг в счетных машинах давно кончились провалом. У нас – Вычислительный центр, а не музей. Приезжают комиссии, иностранные делегации. Просто совестно водить их в вашу лабораторию. Никак не могу понять, что вы нашли в этом «Смерче»?!

Семако замялся:

– Видите ли, Николай Петрович, я работаю на «Смерче» уже тридцать лет. Когда-то это была самая совершенная из наших машин. Может быть, это сентиментально, глупо, но у меня просто не поднимается рука...

– Чепуха! Все имеет конец. Нас с вами, уважаемый Юрий Александрович, тоже когда-нибудь отправят на свалку. Ничего не поделаешь, такова жизнь!

– Ну, вам-то еще об этом рано...

– Да нет, – смутился Голиков. – Вы меня неправильно поняли. Дело ведь не в возрасте. На пятнадцать лет раньше или позже – разница не велика. Все равно конец один. Но ведь мы с вами – люди, так сказать, гомо сапиенс, а этот, извините за выражение, драндулет – просто неудачная попытка моделирования.

– И все же...

– И все же выбросьте ее к чертям, и в следующем квартале я вам обещаю машину самой последней модели. Подумайте над этим.

– Хорошо, подумаю.

– А план нужно выполнить во что бы то ни стало.

– Постараюсь.

* * *

В окружении низких, изящных, как пантеры, машин с молекулярными элементами этот огромный громыхающий шкаф казался доисторическим чудовищем.

– Чем ты занят? – спросил Семако.

Автомат прервал ход расчета:

– Да вот, проверяю решение задачи, которую решала эта... молекулярная. За ними нужен глаз да глаз. Бездумно ведь считают. Хотя и быстро, да бездумно.

Семако откинул щиток и взглянул на входные данные. Задача номер двадцать четыре. Чтобы повторить все расчеты, «Смерчу» понадобится не менее трех недель. И чего это ему вздумалось?

– Не стоит, – сказал он, закрывая крышку. – Задача продублирована во второй машине, сходимость вполне удовлетворительная.

– Да я быстро. – Стук машины перешел в оглушительный скрежет. Лампочки на панели замигали с бешеной скоростью. – Я ведь ух как быстро умею!

«Крак!» – сработало реле тепловой защиты. Табулятор сбросил все цифры со счетчика. Автомат сконфуженно молчал.

– Не нужно, – сказал Семако, – отдыхай пока. Завтра я тебе подберу задачку.

– Да... вот видишь, схема не того... а то бы я...

– Ничего, старик. Все будет в порядке. Ты остынь получше.

– Был у шефа? – спросил «Смерч».

– Был.

– Обо мне он не говорил?

– Почему ты спрашиваешь?

– На днях он сюда приходил с начальником АХО. Дал указания. Этого монстра, говорит, на свалку, за ненадобностью. Это он про меня.

– Глупости! Никто тебя на свалку не отправит.

– Мне бы схему подремонтировать, лампы сменить, я бы тогда знаешь как?..

– Ладно, что-нибудь придумаем.

– Лампы бы сменить, да где их нынче достанешь? Ведь, поди, уже лет двадцать, как сняли с производства?

– Ничего. Вот разделаемся с планом, соберу тебе новую схему на полупроводниках. Я уже кое-что прикинул.

– Правда?!

– Подремонтируем и будем на тебе студентов учить. Ведь ты работаешь совсем по другому принципу, чем эти, нынешние.

– Конечно! А помнишь, какие задачи мы решали, когда готовили твой первый доклад на международном конгрессе?

– Еще бы не помнить!

– А когда ты поссорился с Людой, я тебе давал оптимальную тактику поведения. Помнишь? Это было в тысяча девятьсот... каком году?

– В тысяча девятьсот шестьдесят седьмом. Мы только что поженились.

– Скажи... тебе ее сейчас очень не хватает?

– Очень.

– Ох как я завидую!

– Чему ты завидуешь?

– Видишь ли... – Автомат замолк.

– Ну, говори.

– Не знаю, как это лучше объяснить... Я ведь совсем не боюсь... этого... конца. Только хочется, чтобы кому-то меня не хватало, а не так просто... на свалку за ненадобностью. Ты меня понимаешь?

– Конечно понимаю. Мне очень тебя будет не хватать.

– Правда?!

– Честное слово.

– Дай я тебе что-нибудь посчитаю.

– Завтра утром. Ты пока отдыхай.

– Ну пожалуйста!

Семако вздохнул:

– Я ведь тебе дал вчера задачу.

– Я... я ее плохо помню. Что-то с линией задержки памяти. У тебя этого не бывает?

- Чего?
- Когда хочешь что-то вспомнить и не можешь.
- Бывает иногда.
- А у меня теперь очень часто.
- Ничего, скоро мы тебя подремантируем.
- Спасибо! Так повтори задачу.
- Уже поздно, ты сегодня все равно ничего не успеешь.
- А ты меня не выключай на ночь. Утром придешь, а задачка уже решена.
- Нельзя, – сказал Семако, – пожарная охрана не разрешает оставлять машины под напряжением.
- «Смерч» хмыкнул:
- Мы с тобой в молодости и не такие штуки выкидывали. Помнишь, как писали диссертацию? Пять суток без перерыва.
- Тогда было другое время. Ну, отдыхай, я выключаю ток.
- Ладно, до утра!

* * *

Утром, придя в лабораторию, Семако увидел трех дюжих парней, вытаскивавших «Смерч».

- Куда?! – рявкнул он. – Кто разрешил?!
- Николай Петрович велели, – осклабился начальник АХО, руководивший операцией, – в утиль за ненадобностью.
- Подождите! Я сейчас позвоню...
- Панель «Смерча» зацепилась за наличник двери, и на пол хлынул дождь стеклянных осколков.
- Эх вы!.. – Семако сел за стол и закрыл глаза руками.
- Машину выволокли в коридор.
- Зина!
- Слушаю, Юрий Александрович!
- Вызовите уборщицу. Пусть подметет. Если меня будут спрашивать, скажите, что я уехал домой.

Лаборантка испуганно взглянула на него:

- Что с вами, Юрий Александрович?! На вас лица нет. Сейчас я позвоню в здравпункт.
- Не нужно. – Семако с трудом поднялся со стула. – Просто я сегодня потерял лучшего друга... Тридцать лет... Ведь я с ним... даже... мысленно разговаривал иногда... Знаете, такая глупая стариковская привычка.

Ограбление произойдет в полночь

Патрик Рейч, шеф полиции, уселся в услужливо пододвинутое кресло и огляделся по сторонам. Белые панели со множеством кнопок и разноцветных лампочек чем-то напоминали автоматы для приготовления коктейлей. Сходство Вычислительного центра с баром дополнялось двумя девицами-операторами, восседавшими за пультом в белых халатах. Девицы явно злоупотребляли косметикой, и это определенно не нравилось Рейчу. Так же, как, впрочем, и вся затея с покупкой электронной машины. Собственно говоря, если бы Министерство внутренних дел поменьше обращало внимания на газеты, нечего было бы заводить все эти новшества. Кто-кто, а Патрик Рейч за пятьдесят лет работы в полиции знал, что стоит появиться какому-нибудь нераскрытому преступлению, как газетчики поднимают крик о том, что полиция подкуплена гангстерами. Подкуплена! А на кой черт им ее подкупать, когда любой гангстерский синдикат располагает значительно большими возможностями, чем сама полиция. К их услугам бронированные автомобили, вертолеты, автоматическое оружие, бомбы со слезоточивым газом и, что самое главное, возможность стрелять по кому угодно и когда угодно. Подкуплена!..

Дэвида Логана корчило от нетерпения, но он не решался прервать размышления шефа. По всему было видно, что старик настроен скептически, иначе он бы не делал вида, будто все это его не касается. Ну что ж, посмотрим, что он запоем, когда все карты будут выложены на стол. Такое преступление готовится не каждый день!

Рейч вынул из кармана трубку и внимательно оглядел стены в поисках надписи, запрещающей курить.

– Пожалуйста! – Логан щелкнул зажигалкой.

– Благодарю!

Несколько минут Рейч молча пыхтел трубкой.

Логан делал карандашом отметки на перфоленте, исподтишка наблюдая за шефом.

– Итак, – наконец произнес Рейч, – вы хотите меня уверить, что сегодня ночью будет сделана попытка ограбления Национального банка?

– Совершенно верно!

– Но почему именно сегодня и обязательно Национального банка?

– Вот! – Логан протянул шефу небольшой листок. – Машина проанализировала все случаи ограбления банков за последние пятьдесят лет и проэкстраполировала полученные данные. Очередное преступление, – карандаш Логана отметил точку на пунктирной кривой, – очередное преступление должно произойти сегодня.

– Гм... – Рейч ткнул пальцем в график. – А где тут сказано про Национальный банк?

– Это следует из теории вероятностей. Математическое ожидание...

Национальный банк. Рейч вспомнил ограбление этого банка в 1912 году. Тогда в яростной схватке ему прострелили колено, и все же он сумел догнать бандитов на мотоцикле. Буколические времена, когда преступники действовали небольшими группами и были вооружены старомодными кольтами. Тогда отвага и ловкость чего-то стоили. А сейчас... «Математическое ожидание», «корреляция», «функции Гаусса», какие-то перфокарты, о господи! Не полицейская служба, а семинар по математике.

– ...Таким образом, не подлежит сомнению, что банда Сколетти...

– Как вы сказали?! – очнулся Рейч.

– Банда Сколетти. Она располагает наиболее современной техникой для вскрытия сейфов и давно уже не принимала участия в крупных делах.

– Насчет Сколетти – это тоже данные машины?

– Машина считает, что это будет банда Сколетти. При этом вероятность составляет восемьдесят шесть процентов.

Рейч встал и подошел к пульта машины:

– Покажите, как она работает.

– Пожалуйста! Мы можем повторить при вас все основные расчеты.

– Да нет, я просто так, из любопытства. Значит, Сколетти со своими ребятами сегодня ночью вскроют сейфы Национального банка?

– Совершенно верно!

– Ну что ж, – усмехнулся Рейч. – Мне остается только его пожалеть.

– Почему?

– Ну как же! Готовится ограбление, о нем знаем мы с вами, знает машина, но ничего не знает сам Сколетти.

Логана захлестнула радость реванша.

– Вы ошибаетесь, – злорадно сказал он. – Банда Сколетти приобрела точно такую же машину. Можете не сомневаться, она им подскажет, когда и как действовать.

* * *

Жан Бристо променял университетскую карьеру на деньги и ничуть об этом не жалел. Он испытывал трезвое самодовольство человека, добровольно отказавшегося от райского блаженства ради греховных радостей в сей земной юдоли. Что же касается угрызений совести оттого, что он все свои знания отдал гангстерскому синдикату, то нужно прямо сказать, что подобных угрызений Жан не чувствовал. В конце концов, работа программиста – это работа программиста, и папаша Сколетти платил за нее в десять раз больше, чем любая другая фирма. Вообще, все это, скорее всего, напоминало игру в шахматы. Поединок на электронных машинах. Жан усмехнулся и, скосив глаза, посмотрел на старого толстяка, которому в этот момент телохранитель наливал из термоса вторую порцию горячего молока. Вот картина, за которую корреспонденты газет готовы перегрызть друг другу глотки: гроза банков Педро Сколетти пьет молочко.

– Ну что, сынок? – Сколетти поставил пустой стакан на пульт машины и обернулся к Бристо. – Значит, твоя гадалка ворожит на сегодня хорошее дельце?

Бристо слегка поморщился при слове «гадалка». Нет, сэр, если вы уж решили приобрести электронную машину и довериться голосу науки, то будьте добры обзавестись и соответствующим лексиконом.

– Мне удалось, – сухо ответил он, – найти формулу, выражающую периодичность ограблений банков. Разумеется, удачных ограблений, – добавил он, беря в руки школьную указку. – Вот здесь, на этом плакате, они изображены черными кружками. Красные кружки – это ограбления, подсчитанные по моей формуле. Расположение кружков по вертикали соответствует денежной ценности, по горизонтали – дате ограбления. Как видите, очередное крупное ограбление приходится на сегодняшнее число. Не вижу, почему бы нам не взять такой куш.

– Какой куш?

– Сорок миллионов.

Один из телохранителей свистнул. Сколетти в ярости обернулся. Он ненавидел всякий неожиданный шум.

Некоторое время глава синдиката сидел, тихо посапывая. Очевидно, он обдумывал предложение.

– Какой банк?

– Национальный.

– Так...

Чувствовалось, что Сколетти не очень расположен связываться с Национальным банком, на котором синдикат уже дважды ломал себе зубы. Однако, с другой стороны, сорок миллионов – это такая сумма, ради которой можно рискнуть десятком ребят.

Бристо понимал, почему колеблется Сколетти, и решил использовать главный козырь:

– Разумеется, все проведение операции будет разработано машиной.

Кажется, Бристо попал в точку. Больше всего Сколетти не любил брать на себя ответственность за разработку операции. Пожалуй, стоит попробовать, если машина... Но тут его осенило:

– Постой! Говорят, что старик Рейч тоже установил у себя в лавочке какую-то машину. А не случится так, что они получают от нее предупреждение?

– Возможно, – небрежно ответил Бристо. – Однако у нас в этом деле остается некоторое преимущество: мы знаем, что у них есть машина, а они про нашу могут только догадываться.

– Ну и что?

– Вот тут-то вся тонкость. Машина может разработать несколько вариантов ограбления. Одни из них будут более удачными, другие – менее. Предположим, что полиция получила от своей машины предупреждение о возможности ограбления. Тогда они поручат ей определить, какой из синдикатов будет проводить операцию и какова тактика ограбления. Приняв наилучший вариант за основу, они разработают в соответствии с ним тактику поведения полиции.

– Ну и прихлопнут нас.

– Ни в коем случае!

– Почему же это?

– А потому, что мы, зная об этом, примем не наилучший вариант, а какой-нибудь из восторженных.

Сколетти энергично покрутил носом:

– Глупости! Просто они устроят засаду в банке и перебьют нас, как цыплят.

– Вот тут-то вы и ошибаетесь, – возразил Бристо. – Рейч ни в коем случае не решится на засаду.

– Это еще почему?

– По чисто психологическим причинам.

– Много ты понимаешь в психологии полицейских, – усмехнулся Сколетти. – А я-то знаю старика больше тридцати лет. Говорю тебе: Рейч любит действовать наверняка и ни за что не откажется от засады.

Бристо протянул руку и взял со стола рулон перфоленты.

– Я, может быть, и мало знаю психологию полицейских, но машина способна решить любой психологический этюд, при соответствующей программе разумеется. Вот решение такой задачи. Дано: Рейчу семьдесят четыре года. Кое-кто в Министерстве внутренних дел давно уже подумывает о замене его более молодым и менее упрямым чиновником. Во-вторых, на засаду в Национальном банке требуется разрешение Министерства внутренних дел и санкция Министерства финансов. Что выигрывает Рейч от засады? Чисто тактическое преимущество. Чем Рейч рискует в случае засады? Своей репутацией, если он не сможет отбить нападение. Тогда все газеты поднимут вой, что полиция не способна справиться с шайкой гангстеров даже в тех случаях, когда о готовящемся преступлении известно заранее. В еще более глупое положение Рейч попадет, если засада будет устроена, а попытки ограбления не последует. Спрашивается: станет ли Рейч просить разрешения на засаду, раз он сам не очень доверяет всяким машинным прогнозам? Ответ: не станет. Логично?

Сколетти почесал затылок.

– А ну, давай посмотрим твои варианты операций, – буркнул он, усаживаясь поудобнее.

* * *

– Ну что ж, – сказал Рейч, – ваш первый вариант вполне в стиле Сколетти. Все рассчитано на внешние эффекты: и прорыв на броневиках, и взрывы петард, и весь план блокирования района. Однако я не понимаю, зачем ему устраивать ложную демонстрацию в этом направлении. – Палец шефа полиции указал на одну из магистралей центра города. – Ведь отвлечение сюда большого количества полицейских имеет смысл только в том случае, если бы мы знали о готовящемся ограблении и решили бы подготовить им встречу.

Логан не мог скрыть торжествующей улыбки.

– Только в этом случае, – подтвердил он. – Сколетти уверен, что нам известны его замыслы, и соответствующим образом готовит операцию.

– Странно!

– Ничего странного нет. Приобретение Управлением полиции новейшей электронно-счетной машины было разрекламировано Министерством внутренних дел во всех газетах. Неужели вы думаете, что в Вычислительном центре синдиката Сколетти сидят такие болваны, что они не учитывают наших возможностей по прогнозированию преступлений? Не станет же полиция приобретать машину для повышения шансов выигрыша на бегах.

Рейч покраснел. Его давнишняя страсть к тотализатору была одной из маленьких слабостей, тщательно скрываемой от сослуживцев.

– Ну и что из этого следует? – сухо спросил он.

– Из этого следует, что Сколетти никогда не будет действовать по варианту номер один, хотя этот вариант наиболее выгоден синдикату.

– Почему?

– Именно потому, что это самый выгодный вариант.

Рейч выколотил трубку, снова набил ее и погрузился в размышления, окутанный голубыми облаками дыма.

Прошло несколько минут, прежде чем он радостно сказал:

– Ей-богу, Дэв, я, кажется, все понял! Вы хотите сказать, что синдикат догадывается не только о том, что нам известно о готовящемся ограблении, но и о том, что мы имеем в своих руках их планы.

– Совершенно верно! Они знают, что наша машина обладает такими же возможностями, как и та, что они приобрели. Значит, в наших руках и план готовящейся операции, а раз этот план наивыгоднейший для синдиката, полиция, несомненно, положит его в основу контроперации.

– А они тем временем...

– А они тем временем примут менее выгодный для себя вариант, но такой, который явится для полиции полной неожиданностью.

– Фу! – Рейч вытер клетчатым платком багровую шею. – Значит, вы полагаете, что нам...

– Необходимо приступить к анализу плана номер два, – перебил Логан и дал знак девицам в халатах включить машину.

* * *

– Не понимаю, почему вы так настроены против этого варианта? – спросил Бристо.

– Потому что это собачий бред! – Голос Сколетти дрожал от ярости. – Ну хорошо, у меня есть пяток вертолетов, но это вовсе не означает, что я могу сбрасывать тысячекило-

граммовые бомбы и высаживать воздушные десанты. Что я – военный министр, что ли?! И какого черта отставлять первый вариант? Там все здорово было расписано.

– Поймите, – продолжал Бристо, – второй вариант как раз тем и хорош, что он, во всяком случае в глазах полиции, неосуществим. Действительно, откуда вам достать авиационные бомбы?

– Вот и я о том же говорю.

– Теперь представьте себе, что вы все же достали бомбы. Тогда против второго варианта полиция совершенно беспомощна. Ведь она его считает блефом и готовится к отражению операции по плану номер один.

– Ну?

– А это значит, что сорок миллионов перекочевали из банка в ваши сейфы.

Упоминание о сорока миллионах заставило Сколетти призадуматься. Он поскреб пятерней затылок, подвинул к себе телефон и набрал номер:

– Алло, Пит? Мне нужны две авиационные бомбы по тысяче килограммов. Сегодня к вечеру. Что? Ну ладно, позвони.

– Вот видите! – сказал Бристо. – Для синдиката Сколетти нет ничего невозможного.

– Ну, это мы посмотрим, когда у меня на складе будут бомбы. А что, если Пит их не достанет?

– На этот случай есть вариант номер три.

* * *

В машинном зале Вычислительного центра Главного полицейского управления было нестерпимо жарко. Стандартная миловидность операторш таяла под потоками горячего воздуха, поднимавшегося от машины. Сквозь разноцветные ручейки былой красоты, стекавшей с потом, проглядывало костлявое лицо Времени.

Рейч и Логан склонились над столом, усеянным обрывками бумажных лент.

– Ну хорошо, – прохрипел Рейч, стараясь преодолеть шум, создаваемый пишущим устройством, – допустим, что синдикату удалось достать парочку бомб, снятых с вооружения. Это маловероятно, но сейчас я готов согласиться и с такой гипотезой.

– Ага, видите, и вы...

– Подождите, Дэв! Я это говорю потому, что, по сравнению даже с этим вариантом, подкоп на расстоянии пятидесяти метров, да еще из здания, принадлежащего посольству иностранной державы, мне представляется форменной чушью.

– Почему?

– Да потому, что, во-первых, такой подкоп потребует уйму времени, во-вторых, иностранное посольство... это уже верх идиотизма.

– Но посмотрите, – Логан развернул на столе план, – здание посольства наиболее выгодно расположено. Отсюда по кратчайшему расстоянию подкоп приводит прямо к помещению сейфов. Кроме того...

– Да кто же им позволит вести оттуда подкоп?! – перебил Рейч.

– Вот этот вопрос мы сейчас исследуем отдельно, – усмехнулся Логан. – У меня уже заготовлена программа.

* * *

– Хватит, сынок! – Сколетти снял ноги в носках с пульта и протянул их телохранителю, схватившему с пола ботинки. – Так мы только зря теряем время. Твой первый план меня вполне устраивает.

– Да, но мы с вами говорили о том, что он наиболее опасен. Действуя по этому плану, мы даем верный козырь полиции.

– Черта с два! Когда полиция ждет налета?

– Сегодня!

– А мы его устроим завтра.

– Папаша! – проникновенно сказал Бристо. – У вас не голова, а счетная машина! Ведь это нам дает удвоенное количество вариантов!

* * *

– Так, – Логан расстегнул воротничок взмокшей сорочки, – вариант номер семь – это неожиданное возвращение к варианту номер один. О черт! Послушайте, шеф, может быть, нам просто устроить засаду в банке?!

– Нельзя, Дэв. Мы должны воздерживаться от каких-либо действий, могущих вызвать панику на бирже. Наше ходатайство разрешить засаду обязательно станет известно газетчикам, и тогда...

– Да... Пожалуй, вы правы, тем более что вариант номер восемь дает перенос ограбления на завтра, а в этом случае... Да заткните вы ему глотку! Трезвонит уже полчаса!

Одна из девиц подошла к телефону.

– Это вас, – сказала она Рейчу, прикрыв трубку рукой.

– Скажите, что я занят.

– Оперативный дежурный. Говорит, что очень важно.

Рейч взял трубку:

– Алло! Да. Когда? Понятно... Нет, лучше мотоцикл... Сейчас.

Закончив разговор, шеф полиции долго и молча глядел на Логана. Когда он наконец заговорил, его голос был странно спокоен:

– А ведь вы были правы, Дэв.

– В чем именно?

– Десять минут тому назад ограбили Национальный банк.

Логан побледнел:

– Неужели Сколетти?..

– Думаю, что Сколетти целиком доверился такому же болвану, как вы. Нет, судя по всему, это дело рук Вонючки Симса. Я знаю его манеру действовать в одиночку, угрожая кольцом образца тысяча девятьсот двенадцатого года и консервной банкой, насаженной на ручку от мясорубки.

Контактов не будет

К этому событию человечество готовилось много лет. Радиотелескопы крупнейших обсерваторий Земли планомерно прощупывали глубины пространства в поисках сигналов инопланетных цивилизаций, лингвисты и математики разрабатывали методы общения с представителями других миров, юноши допризывного возраста жили в мечтах о кремнийорганических и фтороводородных возлюбленных, писатели-фантасты, вдохновленные небывалыми тиражами, смаковали острые ситуации столкновений с антигуманистическими общественными формациями, ученые предвкушали разгадку самых жгучих тайн мироздания, галантно преподнесенную им коллегами из соседних галактик.

Было подсчитано и взвешено все возможное количество обитаемых планет, уровень развития существ, их населяющих, вероятность посещения Земли космонавтами, представителями сверхмудрых рас, овладевших источниками энергии невообразимой мощности и победивших Пространство и Время.

Мечты об эпохе Вселенского Содружества Разума в космосе таили в себе такие перспективы, перед которыми мелкие неурядицы на нашей планете казались не заслуживающими внимания.

Судя по всему, оставалось ждать еще совсем немного, пока добрые дяди в сверкающих космических доспехах, взяв за руку неразумное и заблудшее человечество, поведут его к вратам нового рая, где оно вкусит блаженство и покой вкупе со всем сущим в космосе.

Правда, находились скептики, ставившие под сомнение ценность межгалактического общения при помощи информации, поступающей с опозданием в сотни миллионов лет, но их злопыхательство никто всерьез не принимал, потому что Крылатая Мечта допускала и не такие штучки, как распространение сигналов со скоростью, превышающей скорость света.

Несколько сложнее дело обстояло с установлением эстетических критериев будущего содружества. Однако в длительной и ожесточенной дискуссии сторонники мыслящих плесеней и живых океанов были разбиты наголову. Трудami известного ученого Карлсона (не того, что живет на крыше, а другого) была не только доказана неизбежность идентичности облика всех существ, стоящих на вершине биологического развития, но даже определен вероятностный среднестатистический тип, наиболее распространенный в пределах метагалактики.

Пользуясь методами биокибернетики, алгебры логики и теории игр, Карлсон создал синтетическую реконструкцию мужчины и женщины – гипотетических аборигенов, населяющих один из возможных спутников Тау Кита.

Эта реконструкция была размножена методом офсетной печати на небольших картонных открытках, удобных для хранения в нагрудных карманах, и за три дня разошлась в количестве ста миллионов экземпляров. Особым спросом она пользовалась у школьников старших классов. Может быть, этому способствовало то, что Карлсон считал одежду второстепенной деталью и сосредоточил свое внимание главным образом на весьма пикантных подробностях.

Что же касается всяких толков, будто натурой Карлсону послужили некая танцовщица и ее партнер, выступающие с неизменным успехом в весьма популярном, но мало рекламируемом увеселительном заведении, то они лишены всякого основания, хотя бы потому, что никто из авторов подобных утверждений не рискнул выступить с ними в печати.

Итак, сто тысяч радиотелескопов были нацелены в таинственную бездну Мирового океана, восемь миллиардов челюстей находились в постоянной готовности обнажиться в приветливой улыбке, столько же рук тянулись раскрыть объятия, шестьдесят миллионов девушек дали обет связать себя узами любви с инопланетными пришельцами, целая армия

юношей рвалась оспаривать честь первыми покинуть родную Землю и стать под космические знамена Великого Содружества.

И все же, когда это стряслось...

* * *

– Радиограмма от командира Х26–371. – Дежурный международного аэропорта в Аддис-Абебе положил на стол начальника белый листок. – Я б не стал вас беспокоить, если бы...

– Что-нибудь случилось?

– Нет, но...

– Гм... – Начальник дважды перечитал радиограмму и вопросительно взглянул на диспетчера. – Вы уверены, что радистка ничего не перепутала?

– Клянется, что записала все слово в слово. Вначале слышимость была очень хорошей, а потом связь неожиданно оборвалась.

– Странно!

Он еще раз прочел текст:

«17 часов 13 минут. 26° 31' СШ 20° 40' ВД высота 2000 метров скорость 1500 километров прямо по курсу вижу шаровую радугу около тысячи метров в поперечнике предполагаю...»

На этом радиограмма обрывалась.

– Ну и что вы думаете?

Дежурный пожал плечами:

– Боюсь, что распоряжение Главного управления, запрещающее членам экипажа пользоваться услугами бортовых баров, выполняется не во всех случаях.

– Глупости! – Начальник подошел к стене и отметил карандашом координаты, указанные в радиограмме. – Самолет немного отклонился от курса и летел в это время над Ливийской пустыней. Очевидно, обычный мираж. Попробуйте еще раз с ними связаться.

– Хорошо.

Начальник достал из ящика стола диспетчерскую сводку. Самолет Х26–371, рейс Сидней – Мадрид. Семьдесят пассажиров. Сейчас они должны идти на посадку в Алжире. Командир – Лейстер, один из лучших пилотов компании, вряд ли он мог...

Вернулся дежурный.

– Ну как?

– Связи нет.

– Запросите Алжир.

– Запрашивал. Они ничего не знают.

– Пора начинать поиски. Соедините меня с Сиднеем.

* * *

На следующий день все газеты мира запестрели сенсационными сообщениями.

Обломки самолета Х26–371 были найдены в Ливийской пустыне, недалеко от места, указанного в последней радиограмме. По заключению комиссии, самолет взорвался в воздухе. Экипаж и пассажиры погибли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.